

РАЗГАДАННЫЕ

Н. СИВАШОВ

ТАЙНЫ

ЦИМЛЫ

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ РАДИ БУДУЩЕГО

Вот уже несколько последних десятилетий многие не только донские краеведы и историки бьются над разгадкой тайн нашей Цимлы. И особый интерес у поисковиков – к истории столетнего монолитного моста через некогда полноводную и зачастую очень буйную от вешних вод речку Кумшак, в районе сегодняшнего поселка Дубравного. Кстати, в это же время была воздвигнута не менее уникальная и тоже литая церковь Святого Георгия в хуторе Карповском Новоцимлянского сельского поселения.

Оба эти оригинальные литые объекты из бетона были построены в преддверии первой мировой войны. При их сооружении применялись уникальные по тем временам технологии. Напрашиваются вопросы: откуда у

Вот так сегодня выглядит мост через речку Кумшак, построенный 100 лет назад казаками под руководством итальянских специалистов.

**казаков в то далекое время появились столь продвину-
тые специалисты? Ведь те технологии и сегодня ак-
туальны. И другое! Зачем в далекой казачьей глухомани
потребовались такие изысканные сооружения?!**

Архивы на этот счет скупы. Есть официальные сведения о том, что через территорию Кумшатского юрта проходил царицынский тракт. Это была грунтовая государственная дорога Ростов-Шахты-Царицын, по которой двигались государственная почта и пассажиры. Через речку Кумшак, у которой находилась местная почтовая станция, стоял деревянный мост, который вешние шкодливые воды Кумшачки часто сносили. И

**Уникальный литой храм в хуторе Карповском. «Родственник» мосту
Бушева. Они возведены по одной технологии и практически в одно
время перед первой мировой войной.**

тогда движение по тракту прерывалось на несколько дней, а порой и недель.

Но, как гласит молва народная и архивы бывшего редактора газеты «Ленинец» (ныне это наше «Придонье») Виталия

Николаевича Аксенова (свои архивы он завещал автору этих строк), движение по тракту порой прерывалось и из-за чрезмерного гостеприимства начальника местной почтовой станции Ельпидифора Ипполитовича Бушева. Этот человек был хватким, деловым, добрым, неугомонным, завлекательным и очень гостеприимным. С ним никогда не загрустишь и не соскучишься. Особенно хлебосольным он был к знатным вельможам и друзьям, которые часто проезжали по тракту мимо его живописной усадьбы в тенистой роще на берегу речки Кумшак. И порой речка была спокойной, мост находился в исправном состоянии, а движение на тракте было парализовано на несколько дней, а то и недель. В это время все вельможи и ямщики вкушали в подвалах и за столами тенистого сада радушного Бушева холодные красные вина, приготовленные старым казачьим способом. И казались веселым, размалиняным путникам эта речка по колено, а Кавказские горы - по плечо. Но когда наступало прозрение, приходили испуг и чувство ответственности за содеянное. Ведь задержка почтового и пассажирского сообщения дорого обходилась государству. Но хваткий и очень смекалистый Бушев всегда находил выход из любой самой сложной ситуации. Каждому запоздавшему экипажу начальник почтовой станции, как правило, выдавал своеобразные оправдательные справки, которые гласили примерно так:

«...Сей документ выдан ямщику почтовой кареты Терехову и вельможе Сивякову с подтверждением того, что из-за очередного буйного разлива речки Кумшака и повреждения ее шкодливими водами деревянного моста они были вынуждены задержаться на почтовой станции Кумшатского юрта ровно на неделю...

Справка дана для предъявления по месту требования.

Станционный почтовый смотритель Кумшатского юрта Бушев».

Далее следовала его размашистая подпись и поставленная на нее со смаком сургучовая печать.

И такие документы, как правило, были надежной защитой

для всех опоздавших ямщиков, почтовиков и вельмож-друзей Бушева.

Телефонов тогда в этом глухом казачьем краю не было, а путники никогда бы и не решились предать старого гостеприимного друга.

Вот так и накопился в головной Донской почтовой службе целый мешок Бушевских справок и жалоб на старый плохой деревянный мост через эту злополучную речку, из-за которого часто запаздывали государственная почта и пассажиры, следовавшие по тракту Ростов-Шахты-Царицын.

ЦАРСКИЕ ПОСЛАННИКИ В БУНТАРСКОМ КРАЮ

И как-то попался этот большой почтовый мешок с жалобами царским проверяющим, которых Николай II послал на Дон для ознакомления с революционной ситуацией в этом самом бунтарском крае. После расстрела в 1905 году мирной демонстрации в Петербурге по стране прокатилась волна забастовок под лозунгом «Долой самодержавие!». Активизировали свою деятельность во всех органах власти либеральные и революционные партии. И царь почувствовал, как зашатался

его трон, а потому и принял ряд контрмер. Он приступил к подготовке крупных государственных реформ в России, предоставил избирательные права рабочим, стал поддерживать реформаторский путь Петра Столыпина, развивать дружеские отношения с европейскими державами. В стране начался бурный промышленный подъем, стали расти урожаи, реформировалась система власти на местах. И на этом фоне целый почтовый мешок жалоб, лежавших в Донской почтовой службе без движения, говорят, привел царя в ярость.

- Так вот почему народ на Дону поддерживает бунтарей, - кипел царь. – Вот откуда берутся Разины, Пугачевы и Булавины!

И царь, говорят, распорядился принять незамедлительные меры по воздвижению капитального моста через речку Кумшак. И это настойчивое и очень грозное распоряжение Николая II создало много проблем для царского окружения. Ведь как можно было да и еще в самые кратчайшие сроки в таком

далеком захолустье возвести капитальный бетонный мост?! Сюда не было дороги с твердым покрытием, мощных механизмов по перевозке и подъему тяжелых мостовых грузов. Но царь требовал свое.

...Россию выручили итальянцы, строившие до этого у нас очень многие важные и сложные объекты. Тем более, что к тому времени они изобрели особый цемент, который прочно и надежно скреплял песок, глину, гравий, арматуру и другие материалы. И с помощью специальных оснасток это позволяло выливать из приготовленного бетона на месте любые объекты. На тот период это было самое современное и уникальное производство, которое применяется и сегодня. Одна из итальянских фирм по протекции царского двора заключила договор с Донской почтовой службой на строительство бетонного литого моста через речку. И в Цимлу пароходами и баржами пошел итальянский цемент и оснастки, а из Ростова - арматура. Для руководства строительством нового литого моста через речку Кумшачку итальянская фирма направила в Россию своих лучших инженеров...

ЗДРАВСТВУЙ, ДОНСКАЯ ЗЕМЛЯ!

Заморские специалисты Роберто Ферреро и Лучано Родари добирались из ст.Константиновской до Цимлы почтовым трактом на специальной пассажирской карете, которую тянули быстроходные конидончаки. На каблучке кареты восседал ямщик Афоня, который хорошо знал донские места и с гордостью показывал и рассказывал трудно понимающим русский язык итальянцам о природе и истории донского края. Спины напряженив, струной натянув посторонки, лошади так резво несли по грунтовому тракту тачанку, что в ее колесах аж спицы сливались. Дремавшие было поначалу забугорные гости вдруг воспрями духом от донских красот. Увиденное взяло их за душу. Теплый ветерок играл метелками камыша, клонил к земле полевые цветы, причесывая на косогорах в лощинах зеленую траву, в которой стрекотали кузнечики, а романтические бабочки махали роскошными веерами крыльев. Словно золотая лазурь было небо. Вымытая, высушенная, прогретая. Чистая синь! И сыпались с нее золотые лучи солнца и слышались песни птиц, которые ныряли в голубых просторах неба. Подняв руки ветру русскому, итальянцы буквально наслаждались тем, как его тугие струи упирались в их ладони. И казалось, что сомкни пальцы - и в кулаке

Рисунок Н.Воробьевой.

останется этот тугой невидимый комок.

- А когда ж мы, Афоня, приедем? - все время интересовались у своего кучера итальянские вельможи.

- А вон за тем лесочком и ветряной мельницей, господа хорошие, будет наша станция почтовая.

И ямщик кнутовищем указал на показавшийся на горизонте, подернутый дымкой величественный силуэт своеобразной деревянной птицы, которая огромными лопастями ловила на высоте ветер. Используя силу природы, великие изобретения людей повсюду мололи тогда зерно на муку, из которой казачки пекли духмяные ароматные хлебные булки. Они источали аромат этих степных просторов.

И гости прицокивали языками от восхищения прекрасной природой и оригинальным русским зодчеством. Ведь церкви и мельницы украшали пейзаж того времени и имели громадную власть под чувствами человека и очаровывали его.

Уже на подъезде к почтовой станции карете встретился казачок с сигаркой. Он-то и рассказал, сколько еще предстоит проехать, чтобы попасть во владения именитого почтового чиновника Ельпидифора Ипполитовича Бушева, усадьба которого была «столицей» этих донских полей, лугов, лесов и деревень.

Почтовая станция в начале 19 века.

Но у самого подворья путь лошадям перекрыли огромные злые собаки. Они так разъярились на тачанку и ее пассажиров, что шерсть на загривках аж дыбом встала. На их тревожный лай со двора вышел коренастый в цветастом халате мужчина. Это и был хозяин подворья, давно ждавший дорогих гостей. Хозяин цикнул на своих псов, и те виновато замели землю хвостами. Ошиблись! Оказывается, приехали свои люди. Значит, отбой тревоги. Теперь снова можно возвращаться в свои будки. Мохнатые брови Бушева часто высоко поднимались, а глаза все время сужались в хитром прищуре. Он словно лазером прощупывал тех, кого так долго и с нетерпением ждал. Ведь от этих людей зависело многое в его будущей судьбе. Он крепко пожал гостям руки и по русской традиции трижды крепко обнял каждого. И это было похоже на маленькую борьбу. А потом гости и хозяйева по тенистой аллее пошли к жилью Бушева. И высокие деревья, сомкнувшись наверху своими кронами, словно прислушивались, о чем говорит с итальянцами хозяин. А последний интересовался, как гости перенесли длинную дорогу, а уже у дровяного камина и за обеденным столом пошел деловой разговор об ответственной работе по строительству капитального моста через речку Кумшак. Роберто Ферреро и Лучано Родари достали из своего саквояжа карты и показали, как будет выглядеть их сооружение после завершения строительства.

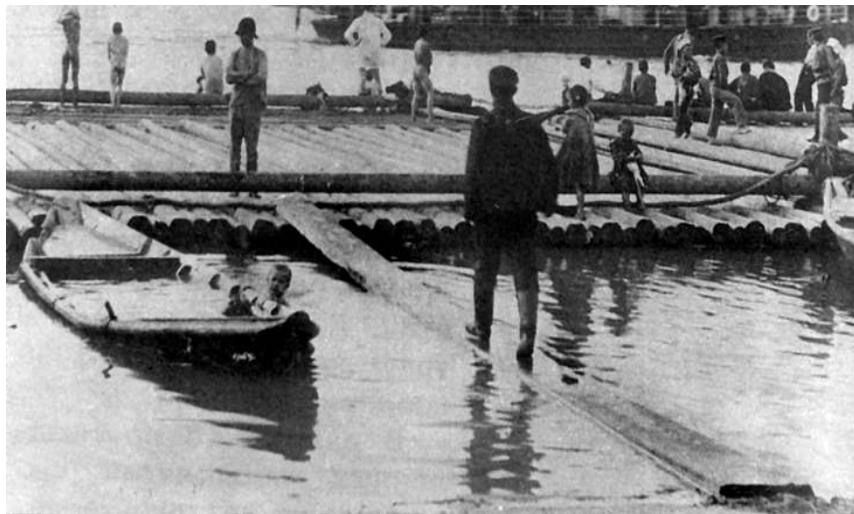
А потом шел разговор о том, как будет проводиться сбор оснастки и литье бетона. Какая рабочая сила потребуется для этого, какие нужны орудия труда. И опытные привередливые итальянцы пытались не упустить ни одной детали.

С реактивной скоростью местные ребятишки разнесли новости о приезде итальянцев по улицам и всем местам скопления народа. А уже на следующий день за околицей почтовой станции состоялся сход, в котором участвовали жители всех окрестных станиц и хуторов, а также все высокое начальство станицы Цимлянской и представители власти из Ростова. Были назначены десятники, сотники, которые составляли списки профессиональных плотников, кузнецов, подсобных рабочих, хозяев птичьих подворий, которые должны поставлять на стройку желтки куриных яиц для скрепления раствора. Были оговорены вопросы оплаты труда наличными царскими деньгами понедельно. И со следующего дня околица почтовой станции стала мура-

вейником. С цимлянской пристани к почтовой станции к строящемуся мосту потянулись обозы. Везли цемент, лес, арматуру, молоты, пилы,

Такими были временные деревянные магазины цимлянских купцов на стройке..

Так начиналось возведение моста.

мастерки, ручные тачки. Песок и глину доставляли из станицы Николаевской, а камень везли из-под Новочеркасска. Мужики-богатыри рыли траншеи, вбивали сваи с плотов, устанавливали оснастку, готовили бетон и заливали его в основание будущего моста. И почти с каждой каретой, следовавшей из Царицына в Ростов, руководители стройки отправляли в Ростов депеши о проделанной работе по возведению моста. Дальше отчеты уже в Петербург отправлялись почтой и по телеграфу. Ведь данная стройка была под контролем самого царского двора. И с каждым днем она разрасталась. В ней участвовало много высококвалифицированных специалистов из Новочеркасска и Ростова.

Люди работали сплоченно и дружно, ведь оплата была всегда своевременной и высокой. Этим сразу же воспользовались купцы станицы Цимлянкой Сивяков, Малюгин, Целантис, Грузинов и другие. У реки Кумшак они установили свои временные деревянные магазины, в которых можно было купить товары на любой вкус.

Кроме различных тканей, одежды и обуви во временных магазинах цимлянских купцов можно было приобрести всякую утварь на гужевой транспорт: уздечки, посторонки, хомуты, седла, колеса, сохи, букаря, вожжи, бочки и многое другое. Много игрушек, сладостей и ситро было для детей. И ребяташки не всегда просили на эти товары деньги у родителей. Многие из них сами зарабатывали их на стройке. Они бросали раздробленные камешки в замесы для литья и приносили из ближайших степных криниц в глиняных кувшинах холодную чистохрустальную родниковую воду, от которой у разгоряченных людей от работы и жаркого солнца аж зубы сводило. Но никто не высказывал недовольства. Все с удовольствием утоляли этой влагой жажду, остужали лица и омывали уставшие за день глаза. И за это кассиры итальянцев тоже платили ребяташкам зарплату. Но особо ценилась на стройке работа высококлассных плотников и кузнецов, которые собирали оснастку на мостовых пролетах, а также землекопов, бетонщиков и литейщиков, за которыми был конечный результат.

С утра до вечера всеми самыми ответственными операциями руководили инженеры Роберто Ферреро и Лучано Родари. И их особое внимание было к подготовке бетонных растворов. Хотя во главу угла

они ставили и другие технологические процессы: установка оснастки, темпы заливки бетона и его долгое затверждение под проточной водой. Такова была особая технология литья, чтобы бетон хорошо взялся и не дал трещин, поскольку ликвидировать брак было тяжелее в разы. И к тому же эта работа не оплачивалась. Вот и старались все на стройке сделать не только больше, но и качественно. И за этим с итальянской требовательностью и педантичностью тщательно следили итальянцы. И за все это их здесь любили, ценили и уважали.

Казалось, к вечеру ни у кого уже не было сил. Но в чистых водах речки людская усталость как рукой снималась. А потому все сюда спешили, чтобы смыть с себя пот, освежиться и взбодриться. Люди с наслаждением шли в глубину, чтобы почувствовать, как липкий холод ползет к груди и как словно обручем стягивает грудь, как поднимается в организме адреналин.

Спасались от жары в речке и лошади, на которых на стройку подвозились все грузы. Дончаки буквально ископтыли весь берег, постоянно спускаясь по горбату седоковильному косогору к урезу воды, чтобы здесь напиться и охладиться. И там, где кудлатые вербы полоскали на ветру свои раскидистые ветви, кони, трепетно подергивая от удовольствия атласной кожей, жадно припадали к воде мягкими губами. И каждый скакун норовил уловить струи похолоднее. И когда он с трудом отрывал голову, с его губ еще долго сбегали блестящие капельки.

И после каждого рабочего дня, когда солнце закатывалось за горизонт, роняя последние лучи уходящего дня в горницу Бушевского дома, хозяин шел на стройку, чтобы забрать на ночлег в свои родные пенаты Роберто Ферреро и Лучано Родари. И им, итальянцам, очень нравилось это живописное место, где в зелени листья деревьев светились краснобокие яблоки, гроздьями свисали спелые вишни и сливы, ярко пламенели цветы в полисадниках, а в речной заводи камыши будоражили икрюные «мамаши» лещей, карасей, окуней, чехони, судака, рыба и других пород рыб.

Но особенно итальянцам была по душе дровяная русская банька Ельпидифора Ипполитовича Бушева. В нее в первую очередь после работы и вел инженеров хозяин косточки попарить. Тугие горячие струи били по их бронзовым телам, наслаждения придавали и дубовые венчики. Длинные волосики итальянцев кудрявились от донской шелковистой водички. И от

такого удовольствия Роберто и Лучано блаженно фыркали и кричали.

Потом был обильный стол с различными донскими яствами и прекрасным красным вином, приготовленным старым казачьим способом, которое в то время отправлялось донскими казаками только московской и петербургской знати. Об этом уникальном напитке в свое время писал даже великий поэт Руси А.С.Пушкин, когда описывал бал в доме Лариных:

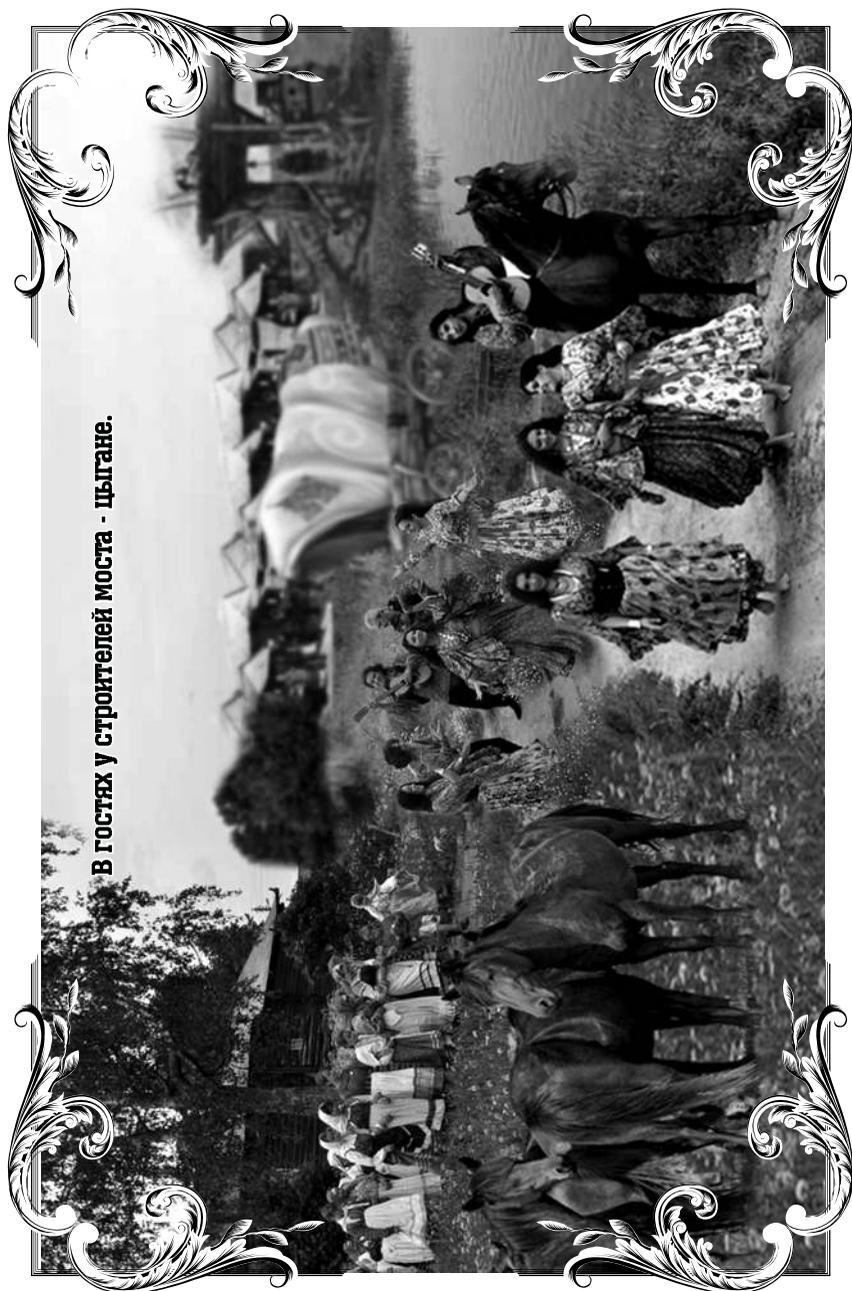
**«...И вот в бутылке засмоленной
Между жарким и бланманже
Цимлянское несут уже...».**

И это вино стало любимым напитком для итальянцев. Ведь оно обжигало холодом нёбо и гортань, заставляло на миг остановить дыхание, ударяло в голову приятным легким пламенем, веселило, улучшало тонус и настроение. Взяв как-то на грудь больше, чем обычно, Роберто Ферреро, Лучано Родари и Ельпидифор Ипполитович Бушев решили прогуляться по вечерним окрестностям почтовой станции да и повеселиться с простым людом, который после каждого напряженного дня устраивал развеселые игрища на берегу реки.

ЭТИ ПЕСНИ - ЧТО СТЕПИ БЕСКРАЙНИЕ

На Руси тогда жили бедно, но богато на песни, пляски, доброту и чувство локтя. И итальянцы просто восторгались, как задушевно и нежно звучат казачьи песни, как музыка гармошек и гитар задевает струны души и разрывает сердце. А в этот вечер было все по-особому. К отдыхающим казакам забрел табор цыганский: со смуглыми, курчавыми, черноглазыми, в красных рубахах цыганками с кнутами в мозолистых руках, песнями в златозубых ртах, с зажигательными танцами. А какие были с ними цыганки: стройные, пестрые, жгучие, развеселые, в широких юбках цветастых, ой да с картами для гадания, да дорогими перстнями, налитыми и роковыми чарами, перед которыми не устоишь! Извивались они, как лебедушки, и призывно трясли своими тугими грудками, которые в поддержке бюстгальтеров не нуждаются. И от их чарующих взглядов, и от этих песен и танцев развеселых не стерпели итальянцы и под парами вина казачьего вместе со всеми в пляс пустились. И пошло соревнование праздничное – кто кого перепляшет и кто кого перепоеет.

В гостях у строителей моста - цыгане.

В ЛЮБОМ ВОЗРАСТЕ ХОЧЕТСЯ ЛЮБИТЬ

И многие молодые казачки стали бросать на итальянцев свои взгляды сладострастные. А самая смелая и очень красивая 28-летняя Лукерья Гринева как будто бы нечаянно задела инженера своей стройной коленочкой. И у почти 50-летнего высокоморального Роберто Ферреро кровь вдруг в висках застучала, густо запыхало лицо. И сказал он сначала Лукерье чего-то вкрадливо, а потом ласково. А потом у них обоих тела вырвались из власти разума. И они трепетно начали искать глухое место для уединения и утоления своей естественной страсти. И нашли они это уединенное место в бушевском саду, где на шелковистой траве и бархатных листьях Лукерья стала для Роберто женщиной, а он для нее мужчиной.

В этот развеселый и злополучный вечер кончилось одиночество и для Лучано Родари, который до этого всем демонстрировал свою высокую моральную и нравственную устойчивость. А разбила его черствое сердце своими красивыми глазками вдова из хутора Карповского Татьяна Селиверстова. Еще три года назад из боевого похода в Турцию не вернулся ее горячо любимый красавец-муж – Михаил Селиверстов. Далеко на чужбине он сложил свою голову за интересы России. Но Танька все эти годы не верила в смерть любимого и все время верно его ждала. Но в этот вечер поняла, что никогда уже не дождется, а перед собой увидела свое новое счастье. И она, недоступная и верная, обрушила на итальянца всю свою нерастраченную за эти годы пылкость, страсть и нежность. Лучано на миг представил в мыслях свою итальянскую жену с бесформенной фигурой, неуклюжей талией, седыми волосами и зимними глазами. А потом наяву еще раз посмотрел на эту очаровательную, страстную, с озорными глазками и пухлыми губками, ангельским личиком и восхитительной улыбкой дюймовочку. И под действием винных паров и тестостерона под его ногами поплыла земля, на миг он даже фамилию свою забыл и не мог губы разлепить, чтобы приятно сказать красавице. Татьяна приковала его взгляд, заворожила, затуманила со-

знание. Ведь у нее были самые ласковые руки, жадные губы, упругие груди. На греховодном диване в спальне дома Бушева Лучано и заснул в нежных объятиях красавицы-казачки, а утром проснулся в них же.

И с той поры стройка осиротела. Влюбленные по уши в казачек инженеры все реже и реже появлялись у строящегося моста. И порой даже в рабочее время были подшофе. Но все шло к завершению, тело моста уже поднялось над водой и все катилось по хорошо накатанной колее. Ведь все знали свое дело, и делали его добросовестно и умело, ведь всем шла хорошая зарплата из бюджета самого царя.

И уже другая жизнь воцарилась в живописном поместье Ельпидифора Ипполитовича Бушева, где густая зелень деревьев выпирала из палисадников, где благоухали на красивых клумбах яркие цветы, от аромата которых можно было захлебнуться, а от звонких птичьих песен – оглохнуть. В красивом ухоженном доме теперь жили не только Е.И.Бушев со своей молодой гражданской женой Натальей Агафоновой, но и итальянские инженеры со своими любовницами Лукерьей Гриневой и Татьяной Селиверстовой. Влюбившись по уши в цимлянских казачек, Роберто Ферреро и Лучано Родари не стали искать лекарство для лечения своих разбитых сердец. Под винными парами цимлянского вина, несмотря на суды и пересуды народа, они сняли свои моральные и нравственные тормоза и начали наверстывать упущенное.

А какие у Бушева были для итальянцев на обеденном столе жареные и вяленые сомы и лещи! А какие здоровенные клешни были у вареных раков! А какие подносились из подвала вина казачьи! Да разве можно это было сравнить с итальянскими дистрофичными чипсами и мелкоградусной мутью, от которой даже от целого литра – ни в одном глазу.

И СТАА БУШЕВСКИЙ ДОМ СКАЗОЧНЫМ ТЕРЕМОМ

В знак благодарности за такое гостеприимство великие итальянские мастера решили к 50-летию юбилею хлебосольного хозяина обустроить своими руками внутреннюю и наружную часть его главного дома. Их искусные руки выписывали каждую деталь фронтона, наличников, резного крылечка. Расписными и кружевными становились стены. Своими придумками итальянцы выводили на карнизах и ставнях все новые оригинальные орнаменты, вышивали резьбой по дереву на фасаде кружевные узоры. И вскоре стал незаметный дом Бушева сказочным теремом островерхим, мимо которого трудно было пройти без загляденья. И это вызывало все большее уважение и восхищение у казаков к этим даровитым заграничным мастерам.

КУМ ПРИВЕЗ ПЛОХУЮ ВЕСТЬ

И вот пришел тот день, когда вдовец Ельпидифор Ипполитович Бушев (его жена в 1910 году в один день с супругой атамана станицы Гугнинской Александра Кузнецова умерла от холеры) стал юбиларом. В отчий дом из Петербурга приехали поздравить отца курсанты морских училищ Филипп и Савелий Бушевы. Из станицы Цимлянской на день рождения прибыли родственники и друзья именинника - урядник и мировой судья. А вот из самого дальнего хутора Карповского на быстроходной тачанке пожаловал на именины с женой Еленой и шестимесячной дочерью Ксенией любимый кум хозяина – Кирилл Сазонов. Последний был на этот раз как никогда в очень плохом настроении. После всех торжеств он планировал сообщить куму печальную весть о сгоревшей церкви в хуторе и пожурить по-братски непутевую сестру Татьяну, которая втюрилась в пожилого итальянца и на виду всего честного народа стала с ним спать в бушевском доме. Но в главной и самой просторной горнице бушевского дома всех гостей и Кирилла развеселила шестимесячная Ксения. Сначала она попыталась поймать

за хвост кота, потом сделала лужу на любимом ковре своего крестного. А когда последний взял ее на руки, Ксения произвела такие действия, что ей пришлось менять пеленки, а Бушеву пиджак его дорогого нового костюма.

Вдоволь насмеявшись, гости вскоре захмелели. Кто-то затянул казачью песню, а кто-то в танце коленце выкинул. Но в настоящее веселье все-таки этот день рождения, хотя и юбилейный, не вылился. Слишком постными были лица некоторых гостей и особенно кума Бушева – Кирилла. Это заметили и итальянцы, а потому и задали вопрос хозяину.

Последний поведал, что в хуторе его кума Кирилла Сазонова сгорела церковь и хуторянам, которым Бог снова послал хороший урожай, негде теперь творить молитвы Всевышнему и с благодарностью приносить частицу своего труда к алтарю.

За праздничным столом воцарилась тишина, которую вдруг нарушил Лучано Родари.

- Дорогие наши гости, у меня родилась хорошая мысль, давайте вместе ее обсудим.

И снова в горнице воцарилась такая пронзительная тишина, что гости услышали, как в далеком углу зажужжала муха.

- Ну и что за мысль, Лучано, озвучь ее нам? – послышался голос Бушева.

- Мы вместе можем построить этим трудолюбивым православным людям новую святыню.

И аж взвизгнувшая от радости Татьяна бросилась на шею Лучано Родари и принародно расцеловала своего любовника в губы.

И вся компания вдруг стала растревоженным ульем. Пошли вопросы, расспросы, обсуждения. Но вскоре все снова утихло, ожидая теперь решающего слова самого авторитетного человека. Ведь Ельпидифора Ипполитовича Бушева уважали не только в Кумшатском юрте и всей Цимле, но и в Донской почтовой службе за ум, сноровку, хорошие организаторские способности, доверив курировать такую важную стройку.

И вот он сидит за столом под пристальными ожидающими взглядами гостей. Высокий лоб, тронутые сединой волосы с

залысинами, открытый, добрый, задумчивый, но всевидящий взгляд с хитрецей. У Бушева всегда ровный голос, непринужденная манера поведения, завидная выправка, собранность, легкие движения.

И вот он, кажется, готов к ответу.

БРАВО, НАЧАЛЬНИК БУШЕВ!

- Друзья! – начал свою речь вставший из-за стола именинник. – Все мы хорошо понимаем, что не только крестьянский труд является творцом хороших урожаев, но и дождь, солнце, вспаханная земля. И за это мы должны быть благодарны Богу, принося в церковь частичку своего труда. И от этого освященные здесь хлебные булки, яблоки, мед, виноград не становятся питательнее, но в этом действии наши души становятся еще более благодарными и благородными. У наших друзей вчера случилась беда. Им теперь негде творить молитвы и обращаться к Всевышнему с благодарностью. Им нужна помощь в восстановлении святыни, и наш долг – помочь им в этом.

ВСЕ ПОВЕРИЛИ СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

И эти трогательные слова вызвали одобрительные возгласы всех присутствующих. Было решено выехать в хутор уже сегодня, чтобы утром по прохладе определить масштабы стройки.

И вот четыре быстроходных рысака из всех лошадиных сил понесли рессорную тачанку, которая радостной козочкой запрыгала по ухабистой проселочной дороге. Витым валом поднялась за колесами пыль. И вот последний изгиб, и с высокого косогора перед Бушевым, итальянскими инженерами и Кириллом Сазоновым открылась красивейшая панорама донского хутора Карповского. С таинственным шорохом в камышах полноводной речки Россось плавали гуси, а в водной глади отражались первые лучи солнца. В хуторе просыпалось все, что может петь, жужжать, летать и лаять. Почти во всех дворах холеные куры кудахтали, ржали лошади, коровы мычали, свиньи визжали и всякая иная живность голоса сыто подавала. Многие проснувшиеся люди уже торопились по своим

делам. Кто кабанчика к ветврачу вез, кто коз на выпас гнал, кто вел на налыгаче корову на свидание с быком... Вот такая она всегда, наша деревня летняя. Линейка остановилась у подворья Кирилла Сазонова. Пассажиры спрыгнули с ее высоких подножек, прошли во двор хозяина. И дородные телята из дощатого база потянули к гостям свои голодные мордочки. А из могучих ноздрей упитанного быка Андрюшки валил клубами теплый курчавый пар. Выглядывала из окна сарая коза Марфуша. Упершись рогами в деревянную раму, она смотрела на вернувшегося хозяина с надеждой, что он наконец-то ее покормит. Но из одной из дворовых будок вдруг появилась разъяренная собачья морда, не предвещавшая ничего хорошего. У испуганного Ельпидифора Бушева правый глаз аж левый увидел. Но Кирилл быстро разрулил ситуацию и с гостями, и со своим большим хозяйством. И оставалось теперь самое главное – собрать на майдане хуторян, пригласить атамана и священника и известить о том, что церковь можно восстановить, помочь в этом могут вот эти приехавшие люди, которым нужно поверить и сделать все то, что потребуется для стройки. И вскоре хуторской майдан зашумел, забурлил, затолкался, заспорил. Люди сначала не верили, что такое возможно. Но слова Бушева, подтвержденные затем их авторитетным односельчанином Кириллом Сазоновым, возымели действие. Начали считать, сколько нужно конских повозок для завоза глины, камня, песка, а также доставки с пристани станицы Цимлянской цемента и арматуры, с почтовой станции Кумшатского юрта - оснастки. Посчитали и сколько потребуется рабочей силы, а также коров, быков, свиней, зерна для сдачи и покупки для нового храма цинковых листов для крыши, алтаря, иконостаса, другой церковной утвари. Учили и то, что для возведения храма потребуется благословение епископа и другое.

Вечером итальянские инженеры и Бушев были уже на почтовой станции. А уже утром проходящая через станцию из Царицына в Ростов почтовая карета увезла конверт с сургучовой печатью, в котором было письмо с подписями почтового смотрителя Е.И.Бушева и руководителей строительства моста

итальянских инженеров Лучано Родари и Роберто Ферреро. В нем утверждалось, что в связи с вновь открывшимися инженерам обстоятельствами требуется укрепление концевых мостовых пролетов, а для этого дополнительный цемент, арматура и денежные средства...

И ПЕТРОГРАД ПОВЕРИЛ СЛЕЗАМ

Ответ Бушеву и итальянским инженерам пришел незамедлительно. Слишком важной была эта стройка в донской глубинке. И в Ростове, и в Петербурге с нетерпением ждали завершения строительства капитального моста через строптивную речку Кумшак. И чтобы после этого надежно заработал государственный почтово-пассажирский тракт Ростов-Шахты-Царицын. Ведь ветхий деревянный мост был тромбом на этой важной дороге.

Но этот вопрос был не только экономическим, но и политическим. Ведь это еще и была реакция царя на мешок жалоб, которые долгое время оставались без разрешения в Донской почтовой службе.

Кучер Афоня прилюдно вручил под расписку конверт с сургучовой печатью из Ростова. Начальник Донской почтовой службы сообщал Бушеву и итальянским инженерам Роберто Ферреро и Лучано Родари о том, что на пристань станицы Цимлянкой отправляется баржа со строительным лесом, арматурой и цементом. Велено было сообщить о получении груза и незамедлительно приступить к завершению мостового перехода через речку Кумшак.

Баржа пришла быстро. И снова по проселочным дорогам загрохотали подводы и мажары с лесом, цементом и арматурой с цимлянкой пристани. Только теперь уже в другом направлении – хутор Карповский. Знали бы об этом в Донской почтовой службе и царском дворе! Но Бушев всегда рисковал. Но теперь он рисковал не только собой. А чтобы ускорить перевозки строительных материалов, были задействованы даже хуторские быки пенсионного возраста, которые тянули в основном мажары с арматурой. Недостатка рабочих рук не было. Узнав от строителей Бушева моста о высоких заработ-

ках, многие жители окрестных станиц и хуторов густой саранчой полетели на стройку Карповской святыни. Но итальянские инженеры в первую очередь отдавали предпочтение тем, кто поимел опыт в строительстве мостового перехода через речку Кумшак. Ведь эти люди уже в совершенстве владели всеми приемами изготовления бетонных растворов по строгим технологиям, установления оснастки и опалубки, литья бетона и выполнения других сложных работ. А потому и работы по возведению церкви начались быстро и споро. Рабочие уже приступили к заливке основания под святыню, а Роберто Ферреро и Лучано Родари еще даже не имели представления, как должна выглядеть русская святыня. Ведь им никогда еще не приходилось возводить такие важные и ответственные религиозные объекты.

И ПОЕХАЛИ СМОТРЕТЬ СВЯТЫНИ

И снова выручил вездесущий Бушев. По его подсказке на быстроходной тачанке Кирилла Сазонова Роберто Ферреро и Лучано Родари отправились осматривать святыни Цимлы, чтобы поиметь представление, какой же должна быть будущая хуторская церковь. И итальянцы снова были просто восхищены от оригинальной архитектуры русских церквей и храмов, а также великолепной природы этого прекрасного уголка донской земли. Легкий ветерок прохаживался по молодой листве могучих деревьев, тень от которых падала поперек дороги, по которой весело катила тачанка. Цветастая, словно огромный красивый ковер, весенняя степь вместе с голубым небом звенели веселыми трелями птиц и стрекотом кузнечиков. Полноводные речки сверкали на солнце своей водной гладью, в которой полоскали свои длинные космы плакучие ивы. И вот они, купола Вознесенской церкви хутора Чувильдеева Филипповской станицы. Но еще оригинальней потом оказалась святыня в станице Терновской. Это была Михайло-Архангельская церковь, построенная в 1867 году. С интересом итальянцы осмотрели Успенскую церковь в хуторе Хорошем. Ну от каменной Николаевской святыни в станице Цимлянской Роберто Ферреро и Лучано Родари были просто в восторге! Построена и освящена

она была в 1839 году. В ней было три престола: главный – во имя Святого Николая Чудотворца, с южной стороны – в память Преображения Господня, а северной – во имя Казанской иконы Божией Матери. И на этом итальянцы решили экскурсию завершить. Для них важно теперь было увиденное переварить и воплотить в проект новой церкви.

На обратном пути остановились заночевать у друга Бушева – Лаврентия Феоктистовича Забазнова. Он жил в очень живописном хуторе Челбине, в который Роберто Ферреро и Лучано Родари влюбились с первого взгляда. В пойме на ветру волновались густые травы, особого цвета и аромата здесь были полевые цветы. А какие здесь были сады, луга, левады и виноградная лоза! Это красивейшее прелестнейшее растение с чудными узорчатыми листьями с легким налетом воска вилось по стенам и карнизам казачьих домов и по шпалере виноградных плантаций. И вместо одной ночи инженеры с Бушевым провели в Челбине три дня, успев за это время у донского леса сделать сложный проект Карповской святыни со всеми ее архитектурными особенностями.

И на творческий лад их настраивало не только знаменитое цимлянское вино, которое они называли усладой молодости, но и эта прелестная донская природа с ароматом степных трав. И в процессе осмысления увиденного в голове талантливых итальянцев родилось что-то особое, гармоничное, величественное, но по духу русское. Ведь они хорошо понимали, что храм будет ими возведен для богослужения и лечения своих душ под вздохи медных колоколов этих православных трудолюбивых и хлебосольных людей. И они в чем-то и сожалели, что не смогли воплотить в этот особый религиозный объект православия все свои творческие идеи, потому что были сильно ограничены техническими возможностями. Ведь их оснастка и опалубка предназначалась для литья мостовых переходов, а не церковных стен, сводов, оконных проемов, алтарей и куполов. Но мудрые итальянские мастера все-таки сумели оригинально решить эту проблему с возведением хуторской святыни, и о себе оставить добрую память на донской

земле.

Но время тогда не ждало. Архитектурный план будущей церкви очень был нужен на стройке, куда уже перекочевали с цимлянской пристани практически все основные строительные материалы.

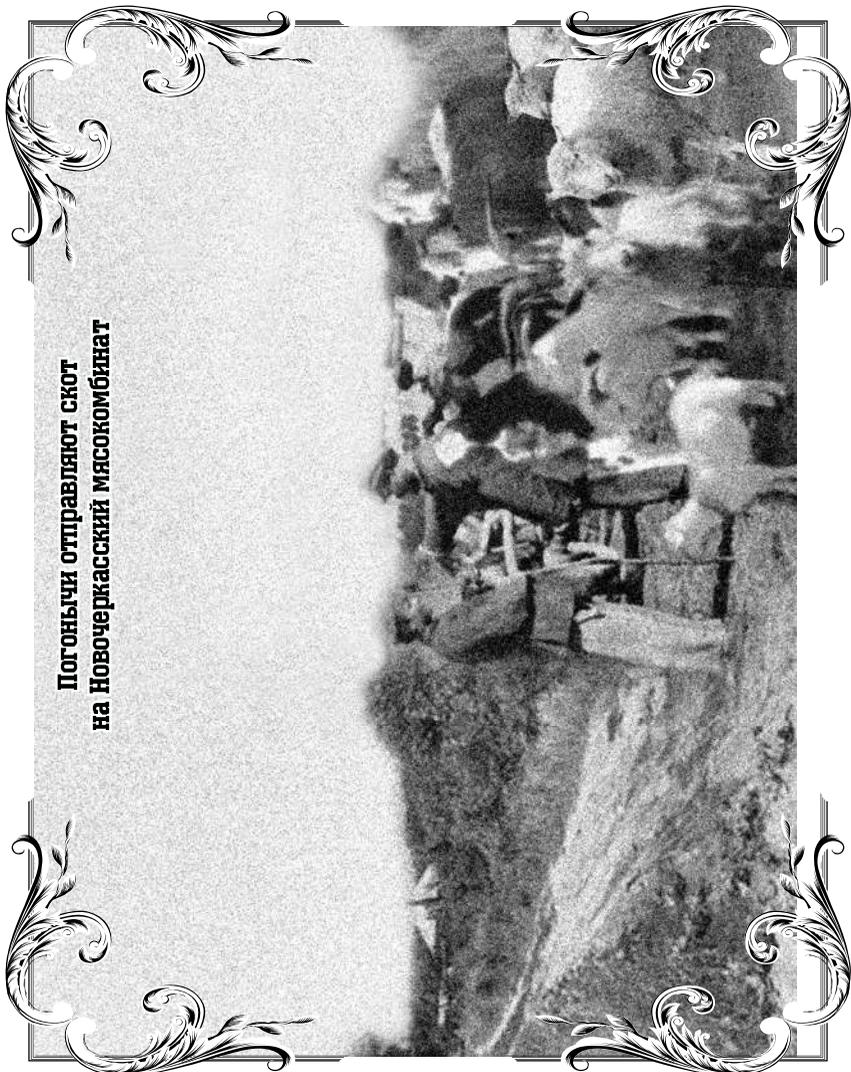
Прощай, красавец хутор Челбин! Гости обнимаются с гостеприимным другом Бушева Лаврентием Феоктистовичем Забазновым, направляясь на важную стройку. В их планшете теперь на ватмане со всеми математическими расчетами проект будущей святыни с узковатыми оконными пролетами, необычными подкупольными основаниями, оригинальными сводами и алтарем.

И СТАА ХУТОР РАЗЪЯРЕННЫМ УЛЬЕМ

Еще издали Бушев и инженеры увидели стройку разъяренным ульем. Люди копали, пилили, строгаи, стучали молотками и топорами, сдавали приемщикам куриные яйца для раствора. А что творилось на улицах Карповского! Погоньчи, согласно решению схода, собирали во дворах всякую живность. И мычащие, блеющие и хрюкающие стада Дашек, Борек, Машек, поднимая придорожную пыль, не хотели идти за околицу, чтобы следовать стадом на Новочеркасский мясокомбинат. Но особенно скверно себя вели поросята. Ну прямо по-свински. Они громко хрюкали, визжали, сопротивлялись, если их пытались стегнуть хворостиной или накинуть на них веревки, задавали стрекача, если их ловили. Стройке срочно нужны были деньги на цинковые листы для крыши церкви, колокола, иконостас и другое. А кто-то из богатых карповцев сразу вносил деньги в казну. По 100 рублей в начале строительства пожертвовали урядник Сергей Петрович Бурмистров, казаки Иван Васильев и Кирилл Сазонов. По пятьдесят – вдова Екатерина Иванова, Константин Григорьевич Маркин и Филарет Агафонов. Два рубля сдала Домна Маркина. Еще 36 хуторян заложили свои посеы пшеницы «в настоящую весну». Сергей Петрович Бурмистров – четыре десятины; Иван Сергеевич Левшин и Симон Григорьевич Сазонов – по две.

И хотя дела по сбору средств и по темпам строительства

**Погонычи отправляют скот
на Новочеркасский мясокомбинат**

святыни у карповских казаков спорились, у архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия были сомнения, «что число прихожан в хуторе недостаточно к составлению прихода» для такой большой святыни. В Карповском тогда по клировой ведомости мужского пола насчитывалось чуть более двухсот человек. Но хитрые карповцы все-таки убедили благочинного

в том, что население их хутора будет возрастать благодаря переселенцам из Филипповской станицы, окончательно засыпанной песком. И что в состав будущего прихода при церкви хутора Карповского войдут жители соседних хуторов Черкасского и Чекамасьева Есауловской станицы. Последние потом заупрямились и ответили категорическим отказом, но дело уже было сделано. Высокопреосвященнейший архиепископ Донской и Новочеркасский Афанасий и наказной атаман Войска Донского все бумаги уже подписали, а будущая церковь-красавица, которую уже величали по картинкам «заморским чудом», сумела взметнуться за месяц до окон. И темпы ее строительства с каждым днем возрастали.

В АЮБЛЕННОМУ МУЖЧИНЕ - ВСЕГДА 18!

И Роберто Ферреро со своей Лукерьей Гриневой, и Лучано Родари с Татьяной Селиверстовой переехали из бушевского дома на постоянное место жительства в хутор Карповский. Ведь им – главным архитекторам храма - нужно было теперь и руководить его строительством. Поселились все по настоянию Кирилла Сазонова в его просторном доме, который был родовым и для Татьяны Селиверстовой. Ее родители и брата Кирилла умерли. Погиб в Турции горячо любимый муж Михаил. И вот теперь Татьяна нашла свое счастье в итальянце Лучано Родари. И очень переживала о том, удастся ли ей это неожиданно свалившееся счастье уберечь. Итальянец тоже очень полюбил эту красивую казачку и души в ней не чаял, хотя и был намного старше. Но несмотря на свой почти пятидесятилетний возраст Лучано Родари был обаятельным, классным, страстным, нежным и прекрасным. Он не мог насытиться на эту красавицу и порой больше слушал ее, чем биение своего сердца. Вот и идея строительства церкви в родном хуторе Татьяны наваялась у него из-за нее. И за это не только Татьяна, но и ее брат Кирилл, который сначала журил сестру за порочную связь с пожилым итальянцем, проникся к Лучано глубоким уважением.

Все глубже и страстнее становились отношения и у Роберто Ферреро с Лукерьей Гриневой. Эта красивая, с карими глаза-

ми, с роскошными волосами, с подчеркнутой обольстительной фигурой кумшатская казачка свела итальянца с ума. И он – воспитанный интеллигент великой страны - ухаживал за Лукерьей пылко, нежно, страстно. И недобрая молва людская об этих связях казачек с женатыми итальянцами начала стихать.

И БУШЕВ СНОВА СТАЛ МУЖЧИНОЙ

Частым гостем в хуторе Карповском, где кипела стройка, стал теперь и Ельпидифор Бушев со своей гражданской, как сейчас говорят, женой Натальей Агафоновой. У богатого, делового и очень избалованного в свое время женщинами Ельпидифора как-то неожиданно случилась половая авария, его мужское достоинство стало подводить, причем в самые ответственные моменты. Долгое время растерянный Бушев отдавал свой супружеский долг жене повышенной зарплатой и премией. А когда жена неожиданно умерла, эта болезнь Ельпидифора еще больше усугубилась. И он, смирившись со случившимся, стал больше себя посвящать воспитанию несовершеннолетних сыновей Филиппа и Савелия. Но вот как-то неожиданно ему встретилась она – Наталья Агафонова, которая была просто неотразима. Стройная, красивая, стремительная, энергичная, с лебединой походкой от бедра, светящаяся, как сплошной фейерверк. А какие у русоголовой казачки были груди в красивейшем бюстгальтере! На него и клюнул Бушев, как карась на крючок с хлебом. Они встретились взглядами, и он не выдержал эту паузу. В его сердце что-то екнуло, а в груди надломилось. И это была не случайность. Это была запланированная охота молодой, но уже очень опытной казачки на богатого вдовца. Она задолго до этого изучила Бушева, как акцию на фондовом рынке. И вот пришел момент, когда она обрушила на него все обаяние и затащила в постель. Хотя до этого уже знала, что лучшей частью тела Бушева является его кошелек, стенки которого никогда не слипались. Проживая в одно время в Ростове, Наталья приобрела богатый сексуальный опыт подтолкнуть мужика робкого, «насытить» алчного и возбудить вялого. И то, что не смогли врачи, смогла Наталья. И Бушев снова стал мужчиной, но теперь только верным Наталье. Да и Наталья, которой давно хотелось надежного мужского плеча, во всем демонстрировала верность Бушеву. Она отворачивалась от жгучих взглядов чужих мужчин, не

стремилась попасть в веселые компании, старалась большую часть времени проводить рядом со ставшим дорогим ей человеком, с любовью относилась к сыновьям Бушева, получая от них взаимность. Вот и в хутор Карповский, где возводилась святыня, она всегда приезжала вместе с Ельпидифором Ипполитовичем. И с каждым днем их союз становился все крепче, основанный на том, что она была очень красивая и верная Бушеву, а он был умным и богатым. И их тесные взаимоотношения уверенно катились до брака.

Бушев тоже пристально интересовался стройкой церкви, оказывал Роберто Ферреро и Лучано Родари помощь и поддержку во всем. А благодарные карповцы считали всех троих своими кумирами и при встречах крестились и кланялись в пояс. Ну а если уважаемые гости появлялись в чьем-то доме, благодарные карповцы не знали, куда их усадить и чем попотчевать. Самое лучшее, самое вкусное и дорогое всегда появлялось на столе.

В гостях у казака Игната Кудинова

Вот так и попал как-то Бушев с итальянцами в дом к казаку Игнату Кудинову, который на стройке был лучшим бетонщиком. Гостеприимные хозяева накрыли стол в своем живописном саду прямо на берегу полноводной речки Россось, в которой купались гуси, где сама собой появлялась разная рыба из икры, принесенной на лапах диких уток и гусей, где орут с утра до ночи лягушки и поют птицы, проживающие неподалеку в густых зарослях караечника. Но не успели хозяева и гости выпить и по стакану холодного вина, как во дворе появился сосед подшофе и тоже работавший на стройке святыни Ефрем Левшин. В руках он держал бутылку с искрометной медовухой.

- Да бросьте вы пить эту бормотуху! Ну-ка, попробуйте, дорогие гостечки, моего напитокка, производства домашнего, - и разлил медовуху по пустым стаканам.

А в Карповском была давняя традиция. Говорят, она и сейчас сохранилась. Если в ваш двор пришел человек с бутылкой, он считается родственником. А тут пришел сосед, да еще и с целой бутылкой первача. И уважить его было долгом чести. А уважить – значит выпить вместе с ним им же принесенное.

Эту казачью традицию хозяева поведали за столом итальян-

цам, и те благодарно закивали головами и пригубили стаканы. А цвет у медовухи был золотистый, искрометный. А уж аромат! Ну словно в цветущем саду гуляешь. И опрокинули гости стаканы в рот, и показалось им, что они огонь проглотили. И почувствовали итальянцы во всем теле необыкновенную силу и приподнятое настроение. И под мелодичное «дзинь-дзинь» скрепили они потом знакомство, а потом и дружбу со всеми присутствующими, которые тоже пришли со своими бутылками и стали в этот вечер родственниками и лучшими друзьями не только Кудиновым. К веселой компании с заливистой двухрядкой присоединился потом и карповский гармонист Петр Чмырев. Задушевно и нежно зазвучала казачья песня, задевая струны души. Она буквально разрывала сердца и поющих, и слушающих. Ведь народный фольклор – это кладезь родниковой воды.

А вскоре по просьбе итальянцев Игнат Кудинов подтянул к своему двору хуторского цыгана-песенника с семиструнной гитарой Ивана Давыдова. И как задушевно были похожи русский романс и цыганская песня! Заливистый перепелиный плач двухрядки и журавлиный клич цыганской гитары рвали на части голоса и души. И Лучано Родари, и Роберто Ферреро были буквально ошарашены в этот вечер и песнями, и музыкой, и увиденным общением казаков, и искрометными напитками, которые они никогда не пили в своей Италии. В их стране каждый дом – это крепость. И в нее не так-то просто войти даже самому близкому родственнику хозяев. А здесь все люди жили дружной сплоченной семьей, и итальянцев это буквально шокировало. Но всему свое время. До утра оставалось всего несколько часов, а с восходом солнца вновь предстояла ответственная работа на стройке, в которой дружно участвовали не только жители хутора Карповского.

Прощавшись вечером с людьми, солнце подарило им новую радость утренней зари. Вот оно - светило красное и большое поднимается над горизонтом! Его первые лучи пронизывают и плавают своим волшебным светом на далеком горизонте облака, чтобы потом окрасить все небо зоревым пожаром, а

потом осветить солнечным светом эти зеленые луга, дубравы, речки, широкие овраги с густыми зарослями терновника на буристых склонах и всю землю Цимлы.

С восходом солнца оживила жизнь и в хуторе Карповском. В том числе и на стройке святыни. Запели пилы, застучали молотки и топоры. И в числе первых здесь появились инженеры Роберто Ферреро и Лучано Родари. Без них никак было нельзя. У строителей постоянно возникали проблемы и вопросы, которые тут же решались этими талантливыми специалистами. Ведь практически все проекты хранились и постоянно изменялись в их головах. Ведь они были по призванию проектировщиками и строителями крупных мостовых переходов. Все карты, схемы, инструмент был у них только на эти виды работ. А

вот теперь им приходилось возводить то, с чем они никогда не сталкивались. Изобретать оснастку и опалубку такую, которую они никогда даже не видели. Но они творили, и от их придумок выливались бетонные купола, оригинальные своды, которых до этого в природе никогда не было. И важным моментом было для них то, устоит ли эта тяжелая бетонная конструкция на долгие годы. А потому снова и снова делались расчеты, вводилась

Очевидец тех далеких строек бабушка Стюра (Чухреева Анастасия Павловна), которая прожила в родном хуторе напротив храма почти 100 лет.

дополнительная арматура, которая в достатке поставлялась пароходами из Ростова, а цемент из Италии.

И вот проверенный временем с оригинальной архитектурой храм, стоявший долгое время без крыши, дверей и окон, доказал, какие великие люди проектировали и строили его на века. Ему уже сто лет, а он по-прежнему возвышается среди раздольной донской степи.

Около инженеров постоянно крутились хуторские ребяташки, которые буквально восторгались, как Лучано и Роберто в считанные минуты лепили из глины, как из пластилина, к основному макету храма оригинальные лестницы, маленькие купола, двери и окна. А когда у инженеров появлялась свободная минутка, из искусных рук этих даровитых людей выплывали гусиные и утиные стаи, русские воины в шлемах, казачьи курени с плетевыми заборами. И ребятня с восторгом принимала эти подарки и с реактивной скоростью мчалась по улицам, чтобы показать это великое искусство по всем скоплениям народа. Пришел к инженерам и красноносый липучий казачок в фуражке, который встретил приход этого нового дня с рюмкой в руке и предложил инженерам тоже опохмелиться, чтоб сразу полегчало. Роберто Ферреро и Лучано Родари сразу поняли, что каждый их шаг известен хуторянам. А потому эти скромные и стыдливые люди решили теперь отдыхать подальше от глаз людских.

ЗДЕСЬ ВСЕ ПРЫГАЛО И ЛЕТАЛО

И вот после очередного напряженного дня тачанка Кирилла Сазонова несет их в глухую донскую дубраву, где редко ступает нога человека, где безопасно проходит детство зайчат, волчат, лисят, диких птиц... И вот снова перед их глазами эта необыкновенная донская красота, которой они постоянно восхищались. И вот Лучано Родари и Роберто Ферреро с затаенным дыханием наблюдают за скрытой жизнью этого глухого леса. Они успели за этот вечер сделать наброски ряда картин о нашем прекрасном донском крае. Ведь они были еще и великими художниками. Вот на боярышнике листья затряслись, ветки качнулись, дернулись и снова утихли. И не понятно, почему дернулись, почему качнулись и почему утихли. Вот громко треснул в дубраве сухой сук и камнем полетел вниз, цепляясь за зеленые ветви деревьев. Сорвался с ветки испуганный рябчик и умчался, хлопая жесткими крылышками. Затрещала сорока, изошла криком, словно ее там кто за хвост дернул. Но спокойно чистил перышки дятел, не боясь вокруг происходящего. Из дупла высунулось что-то похожее на белку. Любопытные глаза как бусинки блестят. Испуганно запрыгала с дерева на дерево, как птица, еще какая-то зверюшка, прилипаясь с лету к веткам мягкими «рукавичками». Ой, сколько здесь увидели в этот вечер итальянцы живности разной, которая бегала, прыгала, летала! А сколько они понаслушались голосов птичьих и шорохов разных, надышались ароматов разных трав и цветов. Итальянские инженеры, черпавшие творческие силы в этой великолепной природе и у красивых казачек, с которыми вот уже несколько месяцев жили гражданским браком, даже не заметили, как день отдал свой пост ночи, как на лес опустилась кромешная тьма. И нужно было давно вернуться в хутор, а они все еще плутали по темной густой дубраве с высокими шевелюристами деревьями, выискивая дорогу в х.Карповский, где их ждали рыдающие Татьяна Селиверстова и Лукерья Гринева. Итальянцы даже не ожидали, что и русские женщины тоже очень полюбили их и переживают, когда их нет рядом с ними.

Итальянские инженеры в придонском лесу

А ведь и они души не чают в этих красивых стройных казачках, из-за которых вместе с Бушевым очень сильно рисковали, когда незаконным путем начали возведение святыни в этом глухом донском хуторе. И опьяненные этой любовью, из-за которой в мире часто начинаются войны, свершаются великие открытия, пишутся гениальные произведения, и они совершили этот безумный поступок. И не раскаивались в нем и готовы были нести полную ответственность за это. В тот вечер, повинясь за позднее возвращение, они объявили Лукерье и Татьяне, что отдают им свои руки и сердца и что завтра в станице Цимлянской через органы ЗАГСа и цимлянскую церковь известят российское государство, что они хотят взять русских поданных Лукерью Гриневу и Татьяну Селиверстову в жены...

И ДОКАТИЛИСЬ ИХ ОТНОШЕНИЯ ДО БРАКА

Утро следующего дня выдалось погожим, тихим и солнечным. С восходом солнца все пришло в движение и в хуторе, и в степи. Замычали коровы, которым пастухи указывали путь в степь на выпаса с помощью кнутов и арапников. Защебетали птицы, купаясь в голубых просторах неба, закричали перепела за околицей, заготовали гусиные стаи на пруду.

Рано проснулись этим утром и итальянские инженеры Роберто Ферреро и Лучано Родари. Но на стройку они впервые пришли в необычных нарядах. Черные френчи с бабочками, лакированные туфли, трости, оригинальные шляпы. Нарядными были и их гражданские жены Лукерья Гринева и Татьяна Селиверстова. И милые старушки, опершись руками и подбородками на палки, и задержавшиеся на этом свете по 80-90 лет дедушки, приставив ладони козырьком к глазам, по-старчески долго смотрели с удивлением на эти разнаряженные красивые пары.

А на стройке уже вовсю кипела работа. Люди ковали, забивали, рубили, строгают, шлифовали. Звонко пели пилы, брызгаясь опилками, бодро летели из-под рубанков и фуганков пахучие янтарные стружки. И шершавые доски на глазах становились отполированными заготовками для притолок, дверей, оконных рам, шелёвки стен... Тут же меняла свои формы

универсальная оснастка и опалубка, с помощью которых заливались бетоном подкупольные основания, стены, своды.

Много было работы и у кузнецов, которые в основном работали с арматурой, без которой стены, своды, карнизы, подкупольные основания тут бы и рухнули. Настоящие мастера и руководители Роберто Ферреро и Лучано Родари так поставили дело, что каждый на стройке хорошо знал свою работу и добросовестно ее выполнял. Верующие люди боялись Бога и итальянских инженеров, которые мгновенно видели брак. И уже меньше было вопросов. Вот и в это утро почти все к ним подходило лишь для того, чтобы низко поклониться в ноги и пожелать доброго утра и дня.

И вот Роберто и Лучано дают последние указания и вместе с гражданскими женами садятся в самую красивую тачанку Кирилла Сазонова. Ездовой Лаврентий Мигулин цыкает на лошадей, подбадривая их кнутом, и тачанка тронулась с места, чтобы расстаться с хутором Карповским и взять курс на станицу Цимлянскую, где их ждали важнейшие дела по регистрации брака с казачками.

ОНИ ВЕТРУ СМЕЯЛИСЬ В ЛИЦО

И в свете косых солнечных лучей широкогрудые красные кони с высоко поднятыми головами в застывших в лебедином изгибе шеях понесли тавричанку на степной шлях. Густые рыжие гривы пышными волнами бились по лошадиным шеям. Длинные хвосты развевались на ветру. И топот их тяжелых копыт с каждой минутой становился все тише, а вскоре и тачанка исчезла из виду за далеким перелеском. И, несясь по цветастой донской степи, Роберто Ферреро и Лукерья Гринева, Лучано Родари и Татьяна Селиверстова чувствовали себя в эти минуты самыми счастливыми людьми на свете! Ласковый легкий ветерок невидимым гребешком причесывал их волосы, обдувал лицо. И они, не стесняясь ездового, нежно обнимались и каждый поворот отмечали поцелуями. Они спешили в станицу, чтобы известить через Первый Донской казачий округ Российское государство о своей женитьбе, а в Николаевской церкви договориться о регистрации брака.

Вот такой увидели станицу Цимлянскую итальянские инженеры и влюбились в нее навсегда.

И вот она, красивейшая донская станица Цимлянская! Взбираются по кособогу дома с разноцветными крышами, глядят глазницами-окнами с обрывистых берегов в блестящую гладь донской воды, отражаясь в ней вместе с небом и солнцем. Во все времена года хороша была станица. Весной и осенью то клином, то цепочкой пролетали над ней по своим воздушным трассам перелетные птицы. Ведь над Цимлянской и ее знаменитой песчаной косой и придонскими садами, которые весной заметала метель цветения, проходили их главные воздушные трассы. Разноцветным листопадом шуршала осень, покрывая улицы бронзовым ковром из опавших листьев. А зимой нежной музыкой лился с неба пушистый снег. И замирали под его ласковым прикосновением ветви деревьев. И до прихода тепла красовались станица в белом наряде.

А по приезду итальянцев станица Цимлянская заморозила их золотыми красками куполов Николаевского храма, звонами его колоколов, выпирающей со дворов зеленью, благоуханьем цветов, от ароматов которых можно было задохнуться. Ведь в этом царстве отдыха с высокооктановым воздухом витали самые отборные молекулы озона.

И ЗАПЕЛИ В ИХ ДУШАХ СОЛОВЬИ

А что творилось на главной площади станицы у храма?! На шумной ярмарке народ бурлил, толкался, спорил, покупал и продавал. И вот сквозь эту людскую разноголосицу слышались мелодичные звуки гармошки-хромочки. Из-под пальцев гармониста лилась такая музыка и припевки девчат, что они могли снега растопить! И эти прекрасные русские песни, отличавшиеся искренностью, глубиной звучания, задушевностью, эмоциональностью, буквально разливались в душах слушателей весенним половодьем. Они и радовали, и тревожили, и морозили. И многие не удержались. И тоже запели и пошли в пляс, как Роберто с Лукерьей и Лучано с Татьяной. А вслед за ними в вихре танца закружились и все девчата: и худышки, и толстушки, и блондинки, и брюнетки, и рыжие, и совсем белые - и молодые казаки: красивые, темноволосые, в фуражках и как цыгане курчавые. И танцевали все легко и пели душевно, потому что это были по-настоящему русско-казачьи песни и музыка.

И Роберто Ферреро и Лучано Родари мечтали, чтобы на их свадьбах с красавицами-казачками Лукерьей Гриневой и Татьяной Селиверстовой звучала именно эта музыка и исполнялись именно эти развеселые удалые песни и танцы. Чтобы они со своими возлюбленными по старой русской традиции проехали на тачанках, украшенных лентами и бубенцами, по станичным улицам. Но до этого нужно было оформить многие документы, в том числе и международного масштаба. А сегодня еще нужно было успеть в управу Первого Донского казачьего округа и к настоятелю Николаевской церкви, священнику Александру Знаменскому.

ОБЛАСКАМИ ВЗГЛЯДАМИ ТОВАРЫ ЯРМАРКИ

Шагавших через торговые ряды центральной станичной площади к тачанке Роберто Ферреро и Лучано Родари цимлянские купцы настоятельно зазывали зайти в их палатки и посмотреть товар. А прилавки выездных магазинов, как всегда, буквально ломились от всякой всячины. На самодельных прилавках красовалась одежда, обувь, казачьи фуражки, различные ткани - от дешевого ситца до импортного сукна, шерстяные и хлопчатобумажные нитки, мануфактурные краски, различная гончарная продукция, табак, спички, чай, изюм, перец, конфеты, сушки, копченая и вяленая рыба, вино. А у скобяного магазина, который прописался недалеко от храма, ловкий лавочник буквально лег под ноги итальянских инженеров. Он просил

**Центральная площадь станицы Цимлянской.
Здесь торговали, пели и плясали.**

Зажигательные казачьи танцы буквально покорили Роберто Ферреро и Лучано Родари. Они мечтали пригласить этих казачьих артистов на свои свадьбы.

обязательно зайти в его торговую точку и обозреть товар. И ради уважения к оборотистому казаку-торговцу Роберто и Лучано все-таки посетили скобяной магазин, хотя в нем их ничего не интересовало. Ведь у них с Лукерьей Гриневой и Татьяной Селиверстовой были совсем другие дела в Цимлянкой. Но итальянцы ради любопытства все-таки обласкали своими взглядами плуги, бороны, хомуты, седла, сбруи для лошадей. А в подвале посмотрели бойкую торговлю керосином, дегтем, колесной мазью, креолином, нафталином... У гостей вызвали улыбку «духи не для классных дам». Такой товар они видели впервые в жизни. Занудный лавочник несколько раз снижал цены, а затем разочарованно развел руками, что таким богатым людям никакой его товар не пришелся по душе, а дальнейшее снижение цены привело бы к убыткам. Ему было даже невдомек, что эти люди в его товарах совершенно не

нуждались. Они спешили сначала накормить и напоить коней, поставить их на отдых. Ведь вон какое расстояние отмахали в этот день! А затем посетить станичного атамана и настоятеля храма Александра Знаменского. Тачанку разместили на постоялом дворе казака Чечерина. Это частное гостиничное заведение узнал кучер Лаврентий Мигулин по высокому шесту у ворот с пучком сена на его вершке. Ночевать итальянцы в этой убогой дешевой гостинице и не собирались, а вот наскоро попить крепкого чайку в летней беседке пожелали.

ПРОЩАНИЕ С МЕЧТОЙ

И вот Роберто Ферреро, Лучано Родари, Лукерья Гринева и Татьяна Селиверстова уже у казенного дома с садом станичного атамана. В нем он жил во время исполнения служебных обязанностей. Но у входа во двор сидела вахтер – древнейшая бабуся с вязальными спицами и клубком пряжи, которая своим внешним видом показывала, что она скорее умрет, чем кого-нибудь пропустит в садовые уголья атамана.

Нырнула она носом в документы итальянцев и насторожилась. Не видела она еще на своем долгом веку таких бумаг и живых итальянцев в Цимле! Несколько раз поправив и протерев очки, стала лихорадочно листать свою тетрадь. И не найдя в записях таких фамилий, как ужаленная завопила на весь двор:

- Идите отсель, коль заблаговременно заявку не подали атаману!

На шум подтянулись с глубины двора два сытых урядника в утюженной форме и с наганами на боках. От недогрузки физической работы щеки у охранников аж из-за спины были видны.

- Кто такие, откуда, че надо?!

Урядники с интересом рассматривали гостей и бумаги. Затем приняли решение пропустить их к помощнику атамана.

Последний тоже с любопытством и осторожностью долго изучал все документы, не пропуская мелочей, не гнушаясь вопросами, а порой и допросами пришедших. Требовал предъявить новые документы и справки. После проведения всех

формальностей казак макнул перо в чернильницу и написал в справке, что он в своей работе руководствуется положениями инструкциями и указаниями своего атамана и законом Войска Донского. Предъявленные документы не соответствуют всем требованиям, а потому атаман не может ходатайствовать перед церковью о регистрации брака между иностранцами и цимлянскими казачками, являющимися подданными России...

Опешившие гости еще не успели прийти в себя, как во дворе гулко хлопнула входная калитка. На пешеходной дорожке сада появилась грузная фигура Ельпидифора Ипполитовича Бушева. Некогда веселый, добродушный и завлекательный, на этот раз он выглядел растерянным и испуганным. Окатив из-под лохматых бровей колким взглядом с двух стволов Роберто Ферреро и Лучано Родари, он потребовал прекратить их любовные приключения и оставить при себе свои руки и сердца, обещанные Лукерье Гриневой и Татьяне Селиверстовой. А затем приказал итальянским инженерам завтра первой же тачанкой из Царицына отбыть в станицу Константиновскую, оттуда в Ростов и на свою родину. В руках Бушев держал междугороднюю телеграмму, через которую Италия требовала от России срочно вернуть ее ведущих специалистов.

От услышанного у Роберто Ферреро и Лучано Родари глаза округлились, как у окуней. А Лукерья и Татьяна горько завывали обманутыми волчицами. Ведь все их планы о женском счастье в одночасье растаяли, как сахар в стакане воды.

НА СТРОЙКУ ЕДУТ РЕВИЗОРЫ

Но в руках Бушева, который тоже был чернее ночи, была и другая телеграмма - из Петербурга. В ней сообщалось, что в Донскую почтовую службу и почтовую станцию Кумшатского юрта Первого Донского округа направляются царские ревизоры по проверке расходов материальных и денежных средств, потраченных на возведение литого моста через речку Кумшак.

От неожиданных новостей итальянцы окаменели, их лица стали блее первого снега. А сердца Лукерьи Гриневой и Татьяны Селиверстовой трепыхали, как птахи в клетке. С влаж-

ными глазами они продолжали рыдать, как первоклассники над двойками, склонив свои головы на плечи мужчин своей мечты, которые для них были классные, нежные, страстные, самые умные, обаятельные, романтические и симпатичные. Да и комплименты их всегда были просто восхитительны! А женщины ведь в первую очередь любят ушами.

Большими светлыми чувствами отвечали им и итальянцы. И теперь они даже не могли представить расставания с этими очаровательными, стройными дюймовочками. Инженеры нежно обнимали своих любимых, перебирали их тонкие пальчики и целовали губы, волосы, грудь, пытаясь найти для них утешительные слова, что это расставание временное, что все облагоразумится и станет на свои места.

Да, был бы это СССР, пошли бы наши казачки в партком, да рассказали, что давно уже спят с этими мужчинами. Приехали бы члены парткомиссии, покопались в заляпанном любовными соками белье, и через неделю-другую утюжили бы Роберто Ферреро и Лучано Родари свои свадебные брюки. Но на тот период направляющая сила коммунистической партии только зарождалась в России, легко «пощипывая» царя с его самодержавием.

Эти тревожные новости о срочном вызове инженеров в Италию, об отказе регистрировать их брак с казачками и о приезде на Дон царских ревизоров со скоростью птичьего гриппа облетели Цимлу. Встречать из станицы Цимлянской, заодно и прощаться с Роберто Ферреро и Лучано Родари, вышло почти все население Карповского. Хуторяне прожигали их своими любопытными взглядами, сочувствовали, молились и благодарили за возведенную святыню. А умудренные житейским опытом казаки, чей возраст давно перевалил за черту заслуженного отдыха, давали иностранцам советы, цитируя русские пословицы и поговорки. Дескать, для того и волки, чтоб овцы дрожали, для того и щуки, чтобы караси не дремали... И утверждали, что все мы люди и при желании можно договориться обо всем и с советником царя, и атаманом, и ревизорами, которые тоже любят цимлянское вино, рыбу и красивых казачек. А эти

мысли старым карповским казакам сама жизнь нашептала. И это людское внимание и большое желание помочь не только словами как-то вселило уверенность в души итальянцев и их гражданских жен. И настроение у всех четверых поднялось.

Но пока Роберто Ферреро и Лучано Родари нужно было готовиться к завтрашнему отъезду на свою историческую родину. Ведь урядники атамана ходили за ними по пятам, напоминая об этом.

ПРОЩАЙТЕ, ЦИМЛА И РОССИЯ

Собраны чемоданы, прочитана молитва перед дальней дорогой у практически возведенного красавца-храма. И итальянцам вдруг захотелось по-особому попрощаться с этой жемужиной донского края. А с высоты колокольных звонов обозреть эти красивейшие степные дали, где они так долго жили и творили не только молитву, но и возводили эту великолепную святыню для верующих и оригинальный литой мост через строптивую речку Кумшак, которая теперь никогда не сможет его снести своими даже самыми буйными внешними водами. По гулким церковным порожкам Роберто Ферреро, Лучано Родари, Лукерья Гринева и Татьяна Селиверстова поднялись на шаровую колокольню. И перед ними как на ладони предстали красивейшие пейзажи окрестностей хутора. Как через бинокль была видна обрамленная камышом и вековыми деревьями полноводная речка Россось, в которой на гребенчатых волнах качались гуси и утки, купались деревенские ребяташки, а хуторской пастух, стреляя арапником, гнал на водопой коровье стадо. Чуть вдали казачки на своих огородах копали картошку, чей-то черный кот пытался поймать бабочку, а на проселочной дороге галки дрались за кем-то выброшенные куски хлеба. И вот взору итальянцев и казачек предстала и роскошная тачанка Кирилла Сазонова. Пыля колесами, она быстро мчалась к храму, чтобы забрать своих пассажиров и отвезти их на почтовую станцию Кумшатского юрта, откуда Роберто Ферреро и Лучано Родари должны были отправиться в станицу Константиновскую, затем в Ростов, а потом уже в родную далекую Италию.

Прощание итальянских инженеров с хутором Карповским и его святыней, которую они возвели для верующих.

И вот итальянцы с казачками садятся в тачанку. Прощай, гостеприимный хутор Карповский с добрыми, хлебосольными и трудолюбивыми жителями. Прощайте, дали донские с ароматным разнотравьем, валами хлеба за околицей и бахчей с бокастыми полосатыми арбузами и желтеющими дынями. Такого богатого кавуньего места с морем солнца и особой землей на покато холму итальянцы еще не видели.

Гнедые дончаки, взбивая пыль копытами на шляхе, несут уже тачанку по степи, которая издает фантастический аромат полыни, паленого солнца и обожженной земли. Да, мало на земле мест с такими особыми запахами. Впервые его вдыхали на донской земле и итальянцы.

И вот она, почтовая станция, с новым оригинальным литым мостом через полноводную речку Кумшак, волны которой шумно плескались и били о мощные мостовые сваи. Но теперь даже самые шkodливые ее вешние воды мосту были нипочем.

И крикливые чайки, как бы радуясь новостройке, взлетали с моста, несясь на сильных крыльях к поверхности воды. Затем тут же стремительно взмывали в бездонную голубизну неба и потом снова камнем падали в стремницу, выхватывая с поверхности речной глади мелкую рыбешку.

А высоко в небе над мостом, по которому грохотали подводы и тачанки, купаясь в океане солнечного света, пел свою песню солист донских полей – жаворонок.

Но эта степная красота уже не трогала, не возвышала и не очаровывала ни Роберто Ферреро, ни Лучано Родари, ни Лукерью Гриневу, ни Татьяну Селиверстову и вышедших их встречать станционного смотрителя Ельпидифора Ипполитовича Бушева и его гражданскую жену Наталью Агафонову. Завтра всех ждало расставание и непонятное будущее. Инженеры уезжали в Италию и знали, что за выданные России все самые современные технологии изготовления и литья бетона их ждет выволочка от руководства фирмы, министров страны и жен, с которыми они пытались развестись. А Е.И.Бушев с замиранием сердца ждал ревизоров. Последним было что обнаружить. Ведь немалая часть денежных средств, выделенных на его строительство, пошла на возведение Карповской святыни.

В ужасе были Лукерья Гринева и Татьяна Селиверстова, от которых уплывало счастье, которое уже невозможно было удержать. И обнадеживало лишь то, что Роберто Ферреро и Лучано Родари клялись своим любимым женщинам обязательно вернуться к ним.

И ПОСЕЛИЛАСЬ В ДУШАХ ТОСКА

Провожать Роберто Ферреро и Лучано Родари в их родную Италию пришло и приехало не только население Кумшатского юрта. Были крепкие рукопожатия, обнимания, целования, слезы и рыдания Лукерьи Гриневой и Татьяны Селиверстовой. Они до последнего бежали за тачанкой с гулко бьющимися от волнения сердцами. Ведь они полюбили этих красивых, умных мужчин искренне и безумно. Итальянцы тоже хотели сказать своим любимым что-то нежное и утешительное, но в горле все пересохло, а их лица, прежде милые и красивые, мягко

До свидания, Цимла. Итальянские инженеры уезжают в родную страну. Проводить их, как национальных героев, пришли и приехали не только жители Кумшатского юрта.

говоря, исказились до неузнаваемости. Вот так повлияло на всех расставание, после которого всем четверым нужно было готовиться к новой жизни. А будущее ничего хорошего не предвещало.

Пасмурными и окаменевшими были лица Ельпидифора Ипполитовича Бушева и его гражданской жены Натальи Агафоновой, казалось, что супруги находятся на похоронах любимой бабушки. Им ведь тоже было из-за чего печалиться. Осведомленные обо всем, столичные ревизоры через сарафанное радио передали, что в скором времени Бушеву придется любоваться небом через клетку с конфискацией всего личного имущества. Так что и счастье Натальи Агафоновой висело на волоске.

ЦАРСКИЕ РЕВИЗОРЫ НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ

Ждать ревизоров в модных фраках и шляпах с черными папками и портфелями пришлось недолго. Буквально следующая карета, приехавшая из Константиновска, привезла, по слухам, самого неподкупного старшего ревизора царского ревизионного управления Василия Никандровича Галицына и его молодого помощника Петра Михайловича Расторгуева. Сойдя на цимлянскую землю, вельможи даже никому не подали руки, поприветствовав встречающих легким кивком головы. Гости на всех смотрели свысока, чуть ли не лопааясь от своего величия. А жалкий Бушев смотрел на них глазами грустного беззащитного котенка, ища хоть какого-то снисхождения. Но глаза проверяющих так и продолжали гореть адским праведным огнем. Уже с утра нового дня начались тщательные обмеры моста, скрупулезные подсчеты потраченных на него строительных материалов, выплаченных средств за работу. И как ни пытался Бушев в чем-то оправдаться, ревизоры тут же его грубо пресекали и еще больше надували щеки, подчеркивая перед всеми свою важность и независимость.

Нацелившись на чистые листы бумаги своими перьями, ревизоры все писали, писали и писали... Да так, что аж строчки плавилась от страшного обвинения и их негодования. Епильдифор Ипполитович несколько раз намекнул на мирное соглашение.

- Да тебя, Бушев, пора уже давно повесить, - зло прошипел старший ревизор.

- За что, Василий Никандрович. За что?

- За шею, Ельпидифор Ипполитович. За шею!

От услышанного душа Бушева по позвоночнику сначала метнулась в пятки, а потом в голову. И она надумала у него ввести в бой тяжелую артиллерию. В бригаду помощников ревизоров Бушев ввел своих доверенных казачек-вдовушек Аксинью Самсонову и Галину Маркину. Глаза у этих красивых женщин были черные, взгляды жгучие, фигуры статные, а намеки для

ревизоров такие прозрачные, что сразу же можно обо всем догадаться. И проверяющий Петр Расторгуев стал понемногу сдаваться, опускаясь потихоньку с неба на землю, меняя гнев на милость. Стал улыбчивее, разговорчивее, обменивался с казачками влюбленными взглядами. Ведь был еще у Петра Михайловича порох в пороховницах. Правда, и много камней в почках из-за частых попок в ревизорских командировках. Но мужская доблесть, честь, отвага и мужской тестостерон брали свое. Как-то Аксинью за косичку дернул, а потом невзначай руку на ее плечо положил. Потом на один обвинительный акт прижмурился, а на другой сразу оба глаза закрыл.

МУЖЧИНА БЕЗ ЛЮБВИ - ЗВЕРЬ

Но по-прежнему был неприступен к Аксинье и Галине старший и самый страшный ревизор Василий Никандрович Галицын. Он бросал презрительные взгляды на казачек, грубо одергивал своего помощника Петра Расторгуева за комплименты им.

Но Бушев не был бы Бушевым, не узнай он причину странного поведения посланца царя. И тут надежный источник из самых высоких властных верхов прислал ему сногшибательную информацию, что Василий Никандрович Галицын - не мужчина. А сделала его в свое время одна питерская красавица-мошенница. Втерлась она богатому ревизору в доверие, расположила к себе своими красивыми очами, губами, грудями, статной обольстительной фигурой. И растаял перед ней Василий Никандрович, как мороженое на солнце. Уединились они в одном живописном кабачке на окраине Петербурга у Черной речки, где Пушкин с Дантесом на дуэли стрелялись. Выпили, закусили, потанцевали, пообнимались, нацеловались, а потом был сладкий чай, шоколад, кекс. И на очереди замаячил секс. Подруга уже медленно начала раздеваться. Но в этот самый неподходящий момент Василию Никандровичу вдруг приспичило в сортир. А когда он оттуда вернулся, не обнаружил ни новой подруги-красавицы, ни портфеля, ни тугого кошелька, набитого деньгами после получки и премии. И у обманутого Василия Никандровича перекосило лицо и появилось страш-

ное желание догнать, схватить и наказать негодяйку. Он даже сделал несколько быстрых шагов в ее пустой след. Но у ревизора опять появилось еще более страстное желание снова вернуться в сортир. И это желание пересилило первое. И пока в его желудке происходили новые физиологические процессы, он горько каялся своему обидному промаху, скрипел зубами, ошалело мотал головой, посылал новые проклятья негодяйке и грозил призраку кулаком. Но, выйдя из заточения, мстить передумал, поскольку мошенница, подсыпавшая ему лошадиную дозу слабительного, была уже далеко.

ПОРАЖЕНИЕ В ПОСТЕЛИ, УСПЕХИ НА РАБОТЕ

Желудок впоследствии Василий Никандрович вылечил, а вот немужчиной остался навсегда. И вот теперь всего себя стал отдавать без остатка любимой работе, умело выводя на чистую воду нечистых на руку людей. За это и заслужил у своего

Живописному подворью Бушева завидовали все.

начальства почет и уважение. Его, как хорошо знающего свое дело, как неподкупного специалиста, и направили с проверкой на самый ответственный далекий объект в донской край. Но начальство не учло то обстоятельство, что ревизор, лишившись двух мужских страстей (он не курил с детства), имел третью. И сполна ею наслаждался. Он очень любил хорошие вина. А лучшие в то время как раз и создавались в изюминке Дона – Цимле. Их поставляли самым привилегированным слоям населения, и в первую очередь московской и петербургской знати. «Цимлянское» вкушал сам великий Пушкин, воспев его в своих стихах.

И хитрый Бушев учел это обстоятельство. Аксинья Самсонова и Галина Маркина как-то угостили этим божественным напитком Петра Расторгуева, который чуть было не упал в осадок от такого блаженства. А потом по науськиванию казачек загорелся желанием угостить этим прекрасным напитком своего шефа.

И вот на цимлянскую землю опустились сумерки, и небо стало вытканым звездными узорами. От них ярко осветился бушевский сад, как шкатулка с драгоценностями старой графини. И гулявшего по саду старшего ревизора окликнул его подчиненный Петр Расторгуев.

- А не хотели бы вы, Василий Никандрович, вкусить напитка прелестного?

И ПИЛИ РЕВИЗОРЫ ОБЛАКА

На прилавке маленького кабачка у входа в сад стояли бутылки с янтарной жидкостью, только что принесенные из бушевского подвала. Они буквально светились какой-то особой изморозью, вызывая особое притяжение. С одной из них Петр Расторгуев и набулькал шефу целый бокал янтаря. И соблазненный увиденным Василий Никандрович крепко сжал холодный бокал своими сосисочными пальцами и прильнул к нему губами. И в этом холодном, как арктический лед, напитке великой знаток вин почувствовал всю полноту тонкого вкуса с терно-вишневыми тонами со сложными оттенками черной смородины и чайной розы. И ему показалось, что он пьет не

жидкость, а сами облака. Ревизор даже приостановил дыхание, чтобы подольше ощутить эту прелесть во рту.

За первым последовал второй, третий бокалы... Потом перешли на веранду бушевского дома, где был уже накрыт богатый стол с цимлянскими винами. Пили за царя, за Государство Российское и именитых ревизоров. И гости, и хозяева так увлеклись этими прелестными напитками, что скоро сильно все захмелели и тут же и поуснули в разных позах. Легкий утренний ветерок прохаживал по шевелюристым деревьям и спинам спящих, листал выпавшие из их сумок ревизорские акты и протоколы. И приходи сюда кто хошь. Вот и пришел сюда после неудачной мышинной охоты на ароматы недоеденных яств на столе, которые пахли очень вкусно на весь сад, красивый, с зелеными глазами черный пятикилограммовый кот Бушева. Яшка бесшумно взобрался на стул, повертел головой, поурчал, пошмыгал носом. А потом, набравшись наглости, легко запрыгнул на стол. Котик умёл за обе щеки все мясные закуски, а потом, спрыгнув со стола, решил облизать пористый сизый ревизорский нос, который Василий Никандрович уронил накануне в миску с наваристым бараньим бульоном.

От ласкательных движений кошачьего языка Василий Никандрович проснулся. Он смахнул с себя наглого кота, поскреб пальцами в тех местах головы, где больше всего гудело и кололо. Прокашлялся, осмотрелся и, зацепившись мутным взглядом на своем подчиненном, который спал неподалеку крепким ясельным сном, обняв пень, как родного брата, охрипшим, но строгим начальственным баском спросил:

- А мы разве не в Тамбове, Петро?

- Никак нет, ваше величество Василий Никандрович, - вскочил, как ужаленный, с земли Петр Расторгуев. - Там ревизию мы закончили еще три недели назад. А сейчас работаем на Дону.

- А почему мне не доложил?! Ох, разберусь я с тобой, Расторгуев! – и погрозил подчиненному пухлым пальцем. Ну что ж, начальство всегда и везде начальство!

- Да вы поспите еще, Василий Никандрович, а когда до кон-

ца проснетесь, все и сами вспомните.

БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ИЗ ИТАЛИИ

Всю ночь, пока по небу шел своим дозором полный месяц, лил и плескал на бушевское подворье свое расплавленное серебро, на красивой летней веранде дома хозяин и его кум Кирилл Сазонов из хутора Карповского под звонкое «дзинь-дзинь» ублажали всех гостей знаменитым цимлянским вином. Все уменючи опрокидывали стаканы в рот, звякали пустой тарой о стол, хрумкали закуску и на глазах морально разлагались. Теперь все они были друзьями, море им было по колено, а горы – по плечо. К полуночи к столу подтянулись сторож Лаврентий, пасечник Михей и верный Бушеву кучер донской почты Афоня. Он доставил накануне из Ростова большие денежные переводы, которые охраняли два солдата царской армии. А прислали деньги в адрес беременных казачек Лукерьи Гриневой и Татьяны Селиверстовой из Италии Роберто Ферреро и Лучано Родари. Мешки с купюрами сразу же были отправлены в банк станицы Цимлянской. Лукерья и Татьяна лишь расписались в получении сберкнижек с указанием сумм, которыми они теперь владели.

От малиновой зари на востоке месяц стал тускнеть, отдавая свой пост поднимавшемуся над горизонтом светилу. Первый солнечный луч заскользил по водной глади речки Кумшака, «слабые» ревизоры уже дремали в пьяном забытии. Зато Бушев с Кириллом все еще интересовались на веранде вопросами взаимоуважения.

- Ты меня уважаешь, кум? - трепал за рубаху Кирилла Сазонова Епильдифор Ипполитович.

- Да я вами горжусь! Такую церковь нам в Карповском отгрохали! Да вас, Ипполитович, всю жизнь вся Цимла помнить будет!

Первые лучи солнца еще не выпили на деревьях и траве влагу росы, и она горела яркими бриллиантами. От легкого ветерка серебрились изнанкой листьев приземистые вербы, полоща свои кудлатые космы в речной воде. Все пернатое защебетало, застрекотало, зачирикало. Только вот в это утро

почти не пели петухи и не кудахтали куры. А гвалта уток и гусей почти нигде не было слышно. Оказывается, пьяный Лаврентий не закрыл вечером ворота двора и птичника, и наглые лисы за ночь убавили пернатое бушевское стадо, оставив от него только перышки да косточки. От увиденного у гражданской жены Епильдифора Ипполитовича Натальи Агафоновой сердце так заколотилось, словно ее облили серной кислотой. А сторож Лаврентий в это время, шатаясь и ругаясь на лис, потеряв равновесие, пошел на сближение с землей, и своим распростертым телом перегородил хозяйке путь к домашней птицеферме.

И кучеру Афоне с наличием повышенной шатаемости лежать бы уже рядом со сторожем, но он еще находился в вертикальном положении лишь потому, что держался за частоколину забора. Гость из донской столицы ругал-разругивал все больше непечатными словами всех ранних прохожих, и те бросали на незнакомца злые взгляды, показывая этим последнюю стадию своего презрения и возмущения.

А в это время, оскорбляя свое человеческое достоинство видом, словом и действием, выписывал по саду кренделя пасечник дед Матвей. И вот он набрел на одиноко стоявшего в домашних шлепанцах Епильдифора Ипполитовича Бушева. Когда-то моложавый, подтянутый и обаятельный, теперь от пережитого и много выпитого этой ночью хозяин выглядел жалким и смешным. Одутловатое лицо, огромная лысина, пузцо. А длинные цветные трусы пестрели на нем, как пиратский флаг в штить. Из-за мохнатых бровей своими свинными слезившимися глазками он все-таки узнал пасечника, а вот подслеповатый и пьяный Матвей его - нет. И последний поинтересовался у незнакомого ему мужика, как пройти на пасеку. Бушев так рявкнул на своего наглого подчиненного, что дед аж отрезвел и заюлил перед хозяином.

Отчитав деда за нарушение трудового режима, Бушев приказал Матвеею приготовить в ближайšie дни для высоких гостей самую лучшую искрометную золотистую медовуху с особым ароматом и вкусом, а также разные приправы к ней.

Узнав утром все подробности проведенной ночи, у ревизоров аж волосы встали не только на голове, но и на груди. И спустились Василий Никандрович Галицын и Петр Михайлович Расторгуев с неба на землю. Стали во всем покладистыми. И уже они с этого дня стали смотреть на Бушева снизу вверх пугливо, извиняюще, виновато, стыдливо, забыв даже за свои основные функции: строго проверять, изобличать, инспектировать, протоколы писать, судебные дела возбуждать. Ревизоры уже больше думали о том, как бы все их приключения не получили широкую огласку. Ведь прощай тогда не только карьера...

Знал об этих переживаниях ревизоров и хитрый Бушев. И успокаивал их тем, что с Дона выдачи нет, демонстрируя верность и надежность казачью. А чтобы развеять мысли грустные, повел он Василия Никандровича и Петра Михайловича на свою пасеку, где под звонкое щебетание птах в саду слаженно пел и жужжал пчелиный мир. И ревизоры с большим любопытством впервые в своей жизни наблюдали, как из узких отверстий лотков то и дело взлетали крылатые труженики и беспрерывной вереницей уносились вдаль. Другие возвращались, тяжело опускались на прилетные полочки и торопливо входили с багажом внутрь. И от их ритмичных крыльев стоял особый гул, который ревизоры никогда не слышали. Их знакомого деда Матвея с латанной рубахой и мятым картузом, пропитанным запахами воска и прополиса, пчелы не трогали. А вот ревизоров немного покусали. И они получили от этого не только биологическое удовольствие. А потом дед Матвей принес чай на травах, потом особое лекарство на прополисе, настойку девясила. Ну а потом была медовуха производства домашнего: янтарная, игристая, пенистая, вкуснейшая, божеественная, жизнеутверждающая. Ведь Матвей, глубоко уважающий Бушева, всю душу и сердце отдал при изготовлении этого лекарственного напитка. Все последние дни дед с бидона глаз не спускал. Пуховым одеялом прикрывал плотно, чтобы нужную температуру поддержать, прикладывал ухо к его уробине, чтобы прослушать – не переиграло ли. И сильное

шипение и бульканье будущей медовухи приводило его в восторг. И вот золотистый напиток в стаканах гостей. Выпили на природе, крякнули от удовольствия и захрустели закусочными огурчиками. И вскоре всем стало хорошо! И увидели ревизоры далекое Черное море, добротных женщин на пляжах разной степени солнечного загара. И вдруг Василий Никандрович Галицын почувствовал, что он снова мужчина, что он снова может! И ревизор запел на весь сад, обнимая удивленных Бушева, деда Матвея, Петра Расторгуева, а потом и весь белый свет!

ГРОМКОГО ДЕЛА НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Главное царское ревизионное управление так и не дождалось от своего лучшего ревизора Василия Никандровича Галицына громкого дела с Дона. Хотя все уже знали о большом перерасходе строительных материалов и денежных средств при возведении литого моста через речку Кумшак. Но по подсчетам ревизоров, все сошлось. Петербург недоумевал. Недоумевали и в Донской почте, где многие ответственные лица уже сушили сухари. В царском ревизионном управлении начали раздаваться голоса направить на Дон другую ревизорскую бригаду. Но в мире назревала первая мировая война, в которую втягивались все новые и новые страны, в том числе и Россия. И царю и его окружению уже было не до внутренних проблем страны. На многие из них попросту закрыли глаза, в том числе и на ревизорские проверки по России. И Бушев воспрял духом, имя станционного смотрителя Кумшатского юрта вознеслось до небес! И этот непререкаемый авторитет помог ему завершить много добрых дел, в том числе личных и для своих друзей. Епильдифор Ипполитович Бушев помог за деньги итальянцев приобрести родившим дочек Лукерье Гриневой и Татьяне Селиверстовой богатые купеческие дома на 20-й линии в Ростове в районе Нахичевани. Здесь они и прожили до самой смерти. Обе похоронены на Александровском кладбище, недалеко от могилы героя войны Алексея Береста, который водрузил знамя над рейхстагом.

И СТАА ОН ЛЕГЕНДОЮ ПО ПРАВУ

Ельпидифор Ипполитович Бушев похоронен на кладбище поселка Дубравного. Его именем названа одна из улиц поселка, а людской молвой - легендарный литой мост через речку Кумшак.

Улица Бушева в поселке Дубравном.

Гражданскую жену Бушева Наталью Агафонову после его смерти забрали его сыновья в Петербург. Она прожила почти 90 лет. Мореплаватели Савелий и Филипп похоронили свою мачеху, которую по-сыновьи любили, на Волковском кладбище недалеко от могилы матери Ленина – Марии Александровны Ульяновой. Людская молва гласит, что правнук и праправнучка Роберто Ферреро и Лукерья Гринева жили в Цимле. Последняя работала во властных структурах Цимлы и лишь несколько лет назад уехала в Ростов. Смуглая, стройная, умная, краси-

вая, она очень похожа на своего прапрадедушку-итальянца.

И МОСТ, И ХРАМ ЖИВУТ ПОНЫНЕ

Сто лет прошло с той поры, как под руководством талантливых итальянских инженеров на земле Цимлы были возведены по самой современной по тому времени технологии, которая, кстати, применяется и сегодня, литые мост через речку Кумшак и Свято-Георгиевский храм в хуторе Карповском. Эти величественные оригинальные объекты и сегодня еще в строю. Правда, по полотну старейшего на Дону Бушевского моста теперь не идут большегрузные машины. Два берега некогда полноводной речки на трассе Константиновск-Цимлянск-Морозовск соединил теперь современный железобетонный мост. А этим, который народная молва нарекла Бушевским, по-прежнему пользуются местные жители. На гужевом транспорте они перевозят различные грузы, перегоняют на выпас в степь домашнюю живность.

В одном из помещений полуразрушенного Свято-

Вот так выглядит храм Георгия Победоносца в хуторе Карповском.

В одном из помещений полуразрушенной святыни, которую часто посещает отец Богдан и где еще по отдельным дням творится молитва.

Георгиевского храма, который ждет своего возрождения, по определенным дням творится молитва. И приходят, и приезжают сюда верующие не только из хутора Карповского. И эта святыня дореволюционной эпохи связывает духовно наших хуторян с их далекими предками. Век этот храм прошагал скорбной дорогой разрушений и надругательств. И все-таки выстоял.

Сотрудник реставрационно-строительного отдела Ростовской-на-Дону епархии Н.Д.Атоманова восторженно высказалась о карповской святыне:

- Это – храм-монумент. Такого на всем Дону не сыщешь...

Уникальным инженерным сооружением назвал эту святыню бывший ростовский архитектор В.С.Алексеев, приехавший лично в хутор Карповский.

Свято-Георгиевский храм начал действовать в преддверии первой мировой войны. Это его тревожно зазвонившие коло-

**Место расстрела в январе 1943 года
красноармейцами у стены храма
румынского священника.**

кола возвестили хуторян об этом. Все карповцы пошли в свою церковь с песнопениями, наказаниями и пожеланиями. А потом с иконами провожали на фронт казаков-карповцев. Среди них были и строители храма, к сожалению, не вернувшиеся с той войны. Это: Кирилл Забазнов и Петр Левшин, Николай Маркин и Федор Чувилов, Лаврентий Иванов и Сергей Кудинов...

А потом была революция, переросшая в гражданскую войну. И вновь лилась казачья кровь. Белые и красные еще бились не на жизнь, а на смерть, а в начале марта 1922 года

ВЦИК издал печально знаменитый декрет, положивший начало насильственному изъятию церковных ценностей под предлогом сбора средств помощи голодающим. Ленин обратился со спецсекретным письмом и предложил изъять церковные ценности «с беспощадной» решительностью и в самый кратчайший срок.

- Чем больше число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, - писал он, - тем лучше.

Патриарх Тихон призвал церковно-приходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если они не имеют богослужебного употребления. Церковь была ограблена на миллиарды золотых рублей, но лишь ничтожная часть пошла на закупку зерна. И то семенного. Остальные деньги были от-

Хозяйка храма - староста попечительского Совета Нина Андреевна Квитницкая.

даны на мировую революцию. Досталось и реквизиторам. Та же печальная участь в тридцатом году постигла и Свято-Георгиевский храм, который тоже был закрыт. Созданный во время начавшейся коллективизации колхоз «Красный боец» разместил в святыне зерносклад. В 1932 году по распоряжению облисполкома с церкви была снята цинковая крыша и отправлена в Ростов. Зерно от дождей пришлось спасать под соломенной крышей.

А как боролись с церковными колоколами? Их сбрасывали с высоты, разбивали и отправляли на переплавку. Из чистой меди получались хорошие патроны для Красной Армии. Но главный колокол своей святыни карповские патриоты, рискуя своими жизнями, все-таки спасли. Одной из ночей 1935 года полутонный колокол был снят и спрятан. Есть несколько версий. Его могли закопать где-то поблизости или утопить в речке Россосшь. Группа волгодонских краеведов и историков собирается в ближайшее время с помощью металлоискателей поискать эту бесценную церковную реликвию.

У стен храма была и другая трагедия. В годы войны вел службу в храме румынский священник, который пришел в наши края с немцами. По какой-то причине румынский поп отстал

от своих, и ворвавшиеся в хутор красноармейцы без суда и следствия расстреляли его, а хуторяне похоронили здесь же, у фундамента церкви.

В районе разрабатывается туристический маршрут, в который включен и хутор Карповский. Значит, уникальную святыню нужно восстанавливать. Хотя таких попыток было не счесть. Все бывшие главы местной власти делали их, подключая районных и областных руководителей. Приезжали сюда неоднократно представители духовенства. Высокие церковные чины в рясах лишь восхищались святыней и сочувствовали, что восстанавливать ее не за что, да и для кого?! В хуторе сегодня проживает чуть более ста человек.

Спасти храм все-таки может программа по туризму. Она включает в себя и восстановление исторических мест и реликвий. И храм мог бы быть не только туристическим объектом, но, возможно, мужским монастырем. Ведь он находится в отдаленном живописном месте у речки Россошь. Возможны, конечно, и другие варианты.

МАЛЕНЬКАЯ КАПЕЛЬКА ЦИМЛЫ. ОСТАНЬСЯ НА ВЕКА

Хутор Карповский – маленькая капелька Цимлы, где в оставшихся, покосившихся домиках проживают более 100 человек, в основном преклонного возраста. При нас школьный автобус привез из соседней Новоцимлянской средней школы после занятий всего лишь нескольких ребятишек. И они с огромными ранцами за спинами, как навьюченные верблюдики, разошлись в разные стороны по колеям малоезженных уличных дорог по своим домам.

О существовании большого хутора сегодня свидетельствуют лишь линии беспроводных заброшенных столбов да многие холмики земли от разрушенных домов, которые летом зарастают густым разнотравьем. Почти всюду глушь и лишь редкие следы присутствия людей. И этот грустный зимний пейзаж с приходом весны и лета украшает речка Россошь, в которой плавают домашние гуси и утки, полощут свои космы шевелю-

ристые вербы, дремотно шумит на ветру камыш, а перед дождем лягушки поднимают истошный крик. Речка богата раками и рыбой, и многие карповцы кормятся с этого водного огорода.

И эту уникальную природную красоту дополняет на ровной хуторской поляне оригинальный, с уникальными стенами, потолочными сводами и куполами храм-ветеран Георгия Победоносца. С весны у его подножья зацветает великолепный зеленотравный ковер. А когда-то и сам храм отличался гармоничностью, величием, гордостью. Здесь творилась молитва. И люди удовлетворяли в святыне свои духовные нужды. И каждое богослужение действовало на человека не только звонами колоколов, горением свеч, сладкозвучным чтением писаний, кадильным фимиамом. Уже зайдя в храм, люди чувствовали трепет перед Богом от убранства иконостаса и старинных икон. А молитва призывала человеческое сердце к любви, добру, миру и согласию внутри себя.

Ну а что сегодня?

Столетний разрушающийся храм с уникальными стенами, сводами и куполами, часть из которых уже валяется на земле, открыт всем ветрам и проходим. У его входа плачет раненой птицей и бьется о стены святыни случайно забежавший со двора ветер. Со скорбью глядят на хутор и нас, равнодушных людей, отверстые глазницы узких окон. Поручен алтарь, где верующие как-то еще пытаются проводить богослужение. И хотя в небольшой молитвенной комнате чисто и прибрано силами верующих старушек, в остальных местах храма внутри и снаружи видны обнаженные железные скобы и стержни, съедаемые ржавчиной. Правда, еще крепки угловые блоки, в хорошем состоянии ладно вылепленные своды. А ведь этот оригинальный литой храм – сегодня наша единственная память о православных предках и талантливых итальянских инженерах, которые на царские ассигнования, выделенные на строительство Бушевского моста, возвели такую уникальную красоту. И эта святыня, «родственница» Бушевского моста, прошла немало невзгод, но смогла устоять благодаря своим

Николаевская церковь станицы Цимлянской. Построена и освящена в 1839 году, каменная. Престола в ней три: главный - во имя Святого Николая Чудотворца, с южной стороны - в память Преображения Господня и с северной - во имя Казанской иконы Божией Матери. В 50-е годы взорвана и затоплена Цимлянским морем.

прихожанам, которые, рискуя своими жизнями, спасли храм от окончательного разрушения, сняли и спрятали главный почти полутонный колокол. И хочется верить, что он все-таки будет найден и снова водружен на звонницу и своим чистым звоном еще огласит этот некогда богатый и счастливый хутор и его красивые природные окрестности, изгонит из этого намоленного места нечистую силу.

Архивные данные говорят о том, что до возведения итальянцами этого оригинального литого храма с 1908 по 1911 год в хуторе было построено на бетонном фундаменте две деревянные церкви, которые сгорели. Последняя - по неосторожности священника Андрея Макарьева и псаломщика Валерия Ефремова. Оба были молодыми, неженатыми. Жили при церкви. И как-то, будучи ночью подшофе, с прихожанками опрокинули горящую лампаду. И если первая святыня в 1909 году сгорела

дотла, вторую удалось затушить. Но огонь нанес такой урон, что богослужение в ней уже было невозможно. Разбираться в причине пожара в хутор приезжала компетентная комиссия из епархии города Новочеркаска. И хотя многим была известна истинная причина пожара, но никому из церковных служителей: ни Цимлянского благочиния, ни Новочеркасской епархии - не хотелось подрывать авторитет церкви. Тем более, что настоятель Андрей Макарьев и псаломщик Валерий Ефремов первыми кинулись тушить пожар и позвали на помощь хуторян. Помог погасить верховое пламя и сильный дождь с грозой. На нее члены комиссии и списали пожар, а истинных раскаявшихся виновников лишь втихаря прижурили. Ну что ж, не согрешишь – не покаешься. Все мы люди грешные: и верующие, и неверующие, и рядовые, и с высокими чинами. В том числе и в рясах.

Иоанно-Богословская церковь (престол - во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова) хутора Верхне-Гнутова.

Кстати, когда возводили святыню, хуторянам неоднократно выдавалась специальная книга для сбора пожертвований на территории Новочеркасской Епархии. И трижды ее потом отбирали «за грешки». Последний раз в 1911 году сборную книгу отобрал у хуторского атамана, урядника Бурмистрова цимлянский благочинный священник Алексей Щербаков. Оказалось, что за долгое время сборов денежных средств их накопилось всего лишь 52 рубля шесть копеек. Правда, у Бурмистрова комиссия реквизировала еще и лошадь, которая была куплена на 25 рублей на собранные на святыню деньги, для сбора и транспортировки пожертвований. Нередко собранные деньги прилипали к нечистым на руку не только урядников и атаманов, но и настоятелей церкви.

А был и еще случай в Цимле, когда священники тоже сильно опростоволосились. А рассказал о нем в своих воспоминаниях цимлянский историк и краевед А.Пупков.

...Недалеко от Карповского находился хутор Хороший. И был он по-настоящему хорошим. Весь в садах и виноградниках. С цветами во дворах и на улицах, красивыми казачьими куренями с кружевной резьбой на карнизах, дощатые выкрашенные заборы, чистые улицы, посыпанные желтым песком. У холодного родника с пресной водой, где проходила дорога, купец поставил часовню. Источник стал своего рода местом отдыха для многих проезжавших путников. Рядом с часовней с 1887 года стояла чугунная ниша, в которую вложен железный ящик, похожий на почтовый. Вверху на нем была продолговатая узкая прорезь, в которую свободно вкладывался даже серебряный рубль. Ящик был прикреплен в нише железными болтами и закрывался двумя внутренними замками. На ящике церковно-славянской вязью были написаны позолотой слова: «Жертвуйте сиротам, калекам и малоимущим на пропитание».

И многие состоятельные люди, особенно из числа богатых путников, опускали в ящик монеты, крестясь и приговаривая: «Господи, пошли им здоровья и благополучия».

Ежемесячно местный поп с дьяконом из Успенской церкви

открывали ящик и изымали пожертвования. По сведениям церковных служащих, пожертвования были мизерными.

Но как-то ночью 1890 года ящик исчез. Несмотря на то, что имел пятипудовый вес.

Станичная полиция сбилась с ног, пока не обнаружила его во дворе одного из кабаков станицы Цимлянской. А ворами оказались жители хутора Хороший, завсегдатаи этого питейного заведения, по прозвищу Клиндух и Дырда. У обоих не было по одному глазу, а у Клиндуха еще и левой ноги по колено. Как установило следствие, ящик с деньгами они перевезли от часовни к кабаку с помощью почтового извозчика. За изъятые в ящике 113 рублей (а это были тогда немалые деньги) Дырда и Клиндух устроили винную попойку, на которую пригласили почти всех калек станицы Цимлянской и хутора Хороший.

Вот так и обнаружилось, что даже за неполный месяц в ящике набиралось немало денег. Но Клиндуху и Дырде все это не зачлось. «За ограбление святыни» - так гласил приговор Цимлянского мирового суда – оба были осуждены на два года тюремного заключения. Правда, ящик для сбора денег для малоимущих церковники больше не стали устанавливать...

НЕТ СИЛЫ СИЛЬНЕЕ ВЕРЫ

Ну что ж, в семье не без урода. В жизни мирской и сегодня все бывает... Но церковь долгое время была не только религиозным, но и культурным центром. Ведь ее древние обряды - часть духовной культуры, пронесенной через тысячелетия. И ставя на территории Цимлы храмы во имя православной веры, наши предки завещали и нам, сегодняшним потомкам, Великую Русь. И когда-то прерванная окаянными годами духовная нить снова воссоединилась. Некогда закрытые и порушенные храмы стали в последнее время возрождаться. Духовным и нравственным сердцем Цимлы стал на сегодня Свято-Никольский храм, настоятелем которого на сегодня является протоиерей отец Богдан. А помогла достроить эту святыню в 2000 году атомная станция. И это было в какой-то степени возмещение ущерба верующим за тот главный храм старой станицы Цимлянской. Он был взорван и затоплен вместе со

Свято-Никольский храм. Духовное и нравственное сердце Цимлы.

станцией в 50-е годы. Над этим местом, недалеко от станции Хорошевской, где теперь плещутся волны Цимлянского моря, часто курсируют корабли с туристами. В ясную погоду через прозрачную воду можно хорошо рассмотреть силуэты этой взорванной святыни.

На пересечении улиц Гришина и Карла Маркса действует приход Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона. Творится молитва в таких же святых местах станции Калининской, хуторов Синий Курган, Карповского и других населенных пунктов. Возводятся сейчас святыни в хуторе Паршикове, станции Маркинской, чтобы людям в любом даже самом глухом месте можно было причаститься к святым тайнам. Ведь человек без нравственности и духовной веры не может называться человеком. И это не дань моде – это теперь духовная людская потребность лечить человеческие души, чтобы в нашем обществе как можно меньше было преступлений, наркоманов, пьяниц, абортотворцев и других негативных явлений в нашей жизни.

Меня попросили, и я сегодня выполняю просьбы цимлян, перечисляя святыни Цимлы и ее округа, упомянутые в «Кли-

Церковь деревянная на Чекаловой горе станицы Хорошевской. Разрушена после строительства гидроузла.

ровой ведомости» за 1910 год, этот список мы нашли в Ростовском архиве:

Николаевская церковь Цимлянской станицы. Построена и освящена в 1839 году, каменная. Престола в ней три: главный – во имя Святого Николая Чудотворца, с южной стороны – в память Преображения Господня, а с северной – во имя Казанской иконы Божией Матери.

Вознесенская церковь в хуторе Чувильдееве Фи-

липповской станицы. Построена и освящена 28 января 1887 года, деревянная.

Церковь хутора Старо-Баклановского Казанской иконы Божией Матери. Построена в 1786 году по усердию и на средства прихожан станицы Гугнинской, но вследствие занесения ее песками перенесена и перестроена в 1876 году, деревянная.

Успенская церковь хутора Хорошего. Построена и освящена в 1904 году, деревянная.

Богоявленская церковь Кумшатской станицы. Построена и освящена в 1886 году, каменная.

Николаевская церковь хутора Соленого. Построена в 1900 году, деревянная.

Архангельская церковь станицы Романовской. Освящена в 1848 году, деревянная. Престола два: главный – во имя Архистратига Михаила, и с северной стороны – во имя Святых Апостолов Петра и Павла.

Христо-Рождественская церковь Камышевской станицы. Построена и освящена в 1851 году, деревянная.

Николаевская церковь Маркинской станицы. Построена в 1901 году из обожженного кирпича.

Михайло-Архангельская церковь в станице Чертковской. Построена в 1897 году на войсковые средства, деревянная.

Ильинская церковь (престол в честь Пророка Божия Илии) хутора Парамонова. Построена в 1895 году, деревянная.

Рождество-Богородицкая церковь в хуторе Чекалове. Построена в 1859 году, деревянная.

Иоанно-Богословская церковь (престол – во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова) хутора Верхне-Гнутова. Построена в 1989 году, деревянная.

Николаевская церковь хутора Ёлкина Есауловской станицы. Построена в 1906 году, деревянная.

Троицкая церковь в хуторе Семёнов. Построена в 1890 году, деревянная.

Церковь Владимирской иконы Божией матери Нижне-Курмоярской станицы (престол в часовне). Построена в 1863 году. В 1909 году сгорела.

Церковь Тихвинской иконы Божией Матери станицы Нагавской. Построена в 1866 году перенесена в 1899 году, деревянная.

Николаевская церковь хутора Кривского. Построена в 1894 году на средства урядника сей станицы Григория Стефановича Мазанова, деревянная.

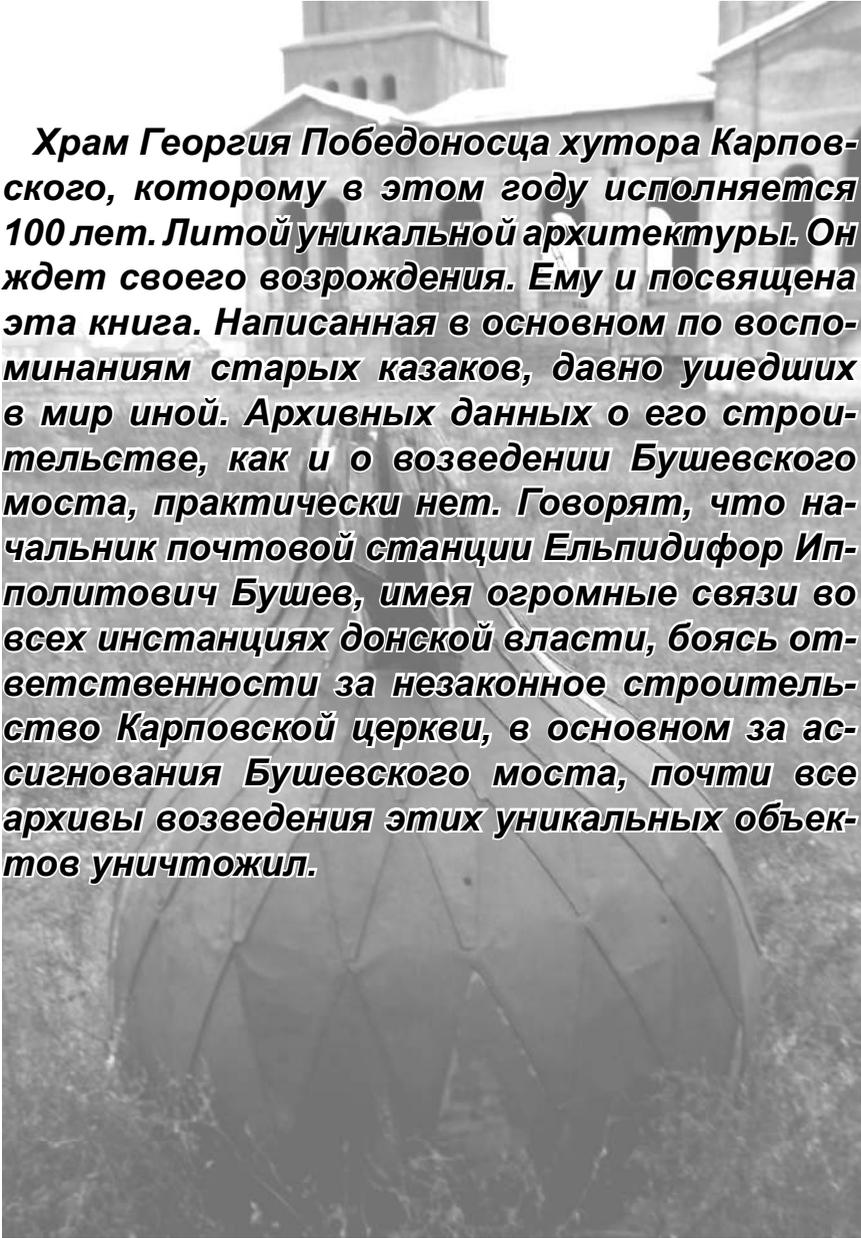
Михайло-Архангельская церковь станицы Терновской. Построена в 1867 году, деревянная.

Троицкая церковь Филипповской станицы. Построена в 1830 году, перенесена в 1883 году, деревянная.

Петро-Павловская церковь хутора Лозного. Построена в 1900 году, деревянная.

Вознесенская церковь станицы Старо-Нагавской. Построена в 1893 году, деревянная.

Покровская церковь хутора Нижне-Гнутова. Построена в 1879 году, деревянная.

Храм Георгия Победоносца хутора Карповского, которому в этом году исполняется 100 лет. Литой уникальной архитектуры. Он ждет своего возрождения. Ему и посвящена эта книга. Написанная в основном по воспоминаниям старых казаков, давно ушедших в мир иной. Архивных данных о его строительстве, как и о возведении Бушевского моста, практически нет. Говорят, что начальник почтовой станции Ельпидифор Ипполитович Бушев, имея огромные связи во всех инстанциях донской власти, боясь ответственности за незаконное строительство Карповской церкви, в основном за ассигнования Бушевского моста, почти все архивы возведения этих уникальных объектов уничтожил.

ОБ АВТОРЕ

Книга «Разгаданные тайны Цимлы» у редактора цимлянской районной газеты «Придонье» Николая Павловича Сивашова уже десятая.

Он член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, «Человек 2005 года Ростовской области», лауреат ряда литературных премий, в том числе «Золотое перо» и Николая Погодина, Почетный гражданин села Богородицкого Песчанокопского района Ростовской области.

Еще у девяти сборников других авторов Николай Павлович является литературным обработчиком и редактором.

Родился Н.П.Сивашов в старинном донском селе Богородицком, которое раскинулось на юге нашего донского края, в 1947 году. Здесь окончил школу, был активным юнкором в сальской объединенной газете «На подъеме», а затем сельским корреспондентом в песчанокопской районной газете «Колос». Из родного села ушел в ряды Советской Армии, служил в подводном флоте. Сотрудничал с военно-морскими газетами. Сразу после службы в январе 1970 года был

приглашен в штат песчанокопской районной газеты. И с этого времени он ни на один день не изменил журналистике. Работал литсотрудником, зав. отделом писем и массовой работы, заместителем редактора зерноградской районной газеты «Маяк», редактором цимлянской районной газеты «Ленинец», а затем «Цимла». С 1999 года редактировал объединенную газету «Придонье» Цимлянского и Волгодонского районов. Без отрыва от производства окончил факультет журналистики РВПШ.

С приходом Н.П.Сивашова в Цимлянск в районной газете в самые трудные девяностые годы появились первые в области современные редакционно-издательские комплексы, а затем и типография. И в этом была большая заслуга редактора. На полиграфбазе МУП «ИИЦ «Придонье», где директором-гл.редактором Николай Павлович Сивашов, теперь выпускаются не только книги и поэтические сборники, но также различная бланочная продукция, ряд газет соседних районов и города Волгодонска.

Приход Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона в Цимлянске по улице Гришина, 20.

Иконостас Свято-Никольского храма в Цимлянске.

Этот православный трехкупольный храм Георгия Победоносца пока еще только в проекте и на картинке. Но через несколько лет в нем будет твориться молитва. А возводит его в родном хуторе Паршикове потомок основателя этого населенного пункта местный фермер Виктор Леонидович Паршиков.

Возведение Троицкой церкви в ст.Калининской.

Освящение места под новую Маркинскую церковь.

Геннадий Лаврентьевич Козлов, атаман станицы Калининской. Он является потомком казаков затопленного водами Цимлянского моря хутора Чувильдеева, в котором итальянские инженеры воссоздали архитектурный план Карповского храма.

Один из патриотов родного края, который добивается возрождения карповского храма, местный краевед, почетный гражданин станицы Новоцимлянской Алексей Александрович Константинов.

Крестный ход в станице Маркинской.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Редактор, составитель, автор
Сивашов Николай Павлович

«Разгаданные тайны Цимлы»

Компьютерный набор – Т.Г.Нестеровская,
А.А.Тыльченко.
Компьютерная верстка – А.А.Тыльченко
Корректор – Л.Д.Табаева
Фото из архива и Н.П.Сивашова
Коллажи - А.А.Тыльченко

Подписан к печати – апрель 2012г.

Книга набрана и сверстана в МУП «ИИЦ «Придонье»
г.Цимлянск, ул.Советская, 44

Тираж 2000 экз. заказ № 37 от 26 марта 2012.

Отпечатано в типографии ИП Белан И.М.
г.Новошахтинск, ул.Горняцкая, 5 «а».
Тел. 8 (86369) 2-14-65
e-mail: tipo8@mail.ru

2012г.

